

А.В.
ШАРЫЧЕВ
ОГОНЬ
ДРАКОНА

Алексей Владимирович Шарычев

Огонь дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70612054

SelfPub; 2024

Аннотация

Этот сборник в год дракона написал я плавным слогом. Сто рифмованных историй я хотел вам рассказать, но в итоге вышло сорок, (в общем, долго их считать). Лучше сразу же читать начинайте, с Богом.

Содержание

Закат на картине	6
Дракон	15
Весенний экспресс	19
Встреча с Драконом	21
Дед Мороз	23
Год дракона	26
Песня баяна	29
Попутчик	32
Клятва	39
Тишина звенит	47
Облачная легенда	50
Старик у моря	55
Награда	57
Атилла	60
На масленой неделе	63
Волга	67
Барс	69
Родь	77
Свет	79
Окрылённый дух	80
Чудесная тенденция	82
Старинный обычай	85
В густом бору	93

Творческая мысль	97
Таракан Гарри	103
Творческий путь	106
Рассказ егеря	108
Зима	111
Сага про пса	113
Четыре всадника	122
Ветер и стрела его	129
Армагеддон	131
Катрены	134
Мировой пожар	137
Огниво	138
Осада Самарканда	141
Возрождение	144
Мая	146
Рок	155
Праздник весны	157
Вечная весна	159
Весеннее	162
Мудрые речи в светлых палатах	169
О пользе знаний	172
Космология	176
И всё-таки она вертится!	179
Чёрный квадрат	181
Космическая пыль	182
Пламя	184

Рана	186
Души	189
Ветхий дом	192
Вино	194
Пономарь	196
Рассказ душевнобольного нейробиолога	198
Предпраздничное настроение	204
Пастух	207
Солома	209
Человек дождя	213
Прогулки в лесу	216
Тьма ночная	220
Голоса ветров	223
Океан	225

Алексей Шарычев

Огонь дракона

Закат на картине

Воспылал алым маком закат,
В небесах красивая картина!
Такую бы не написал Рембрандт,
Или Ван Гог; тут неземная сила.
Творец миров даёт её увидеть
Тем, кто развивает свой талант;
Художник – не пассивный зритель,
Он, как Творец, и должен создавать.
Познайте тайну света и теней,
И с нею жизнь войдёт в полотна ваши.
В талантливых картинах есть та дверь,
Которая ведёт сознания наши
В реальность образов; открытыми всегда
Должны быть эти чудные врата,
И лишь тогда в ваш мир найдут дорогу
Все те, кто с восхищением у холста,
Замрут. Художник ближе к Богу
Становится, когда смог написать
Творение своё в палитре вдохновенья;

Когда всё то, что он хотел сказать,-
Звучит как музыка. В изображениях
Великих мастеров симфонии играют,
Мы сердцем слышим их; духовными очами
Зрим красоту необычайную... И вы
Стремиться к высшему должны
В изобразительном искусстве;
Но, высоко парят орлы,
А воробьи напрасно бьются.
От плевел зёрна отделить
Смогу сегодня; остаются
В школе у меня лишь те,
Кто закат создать сумеют,
А не срисовать. За дело!

Так сказал наставник
Ученикам своим.
Три дня закат писали
На холстах они.-
Последний сей экзамен
Надо сдать всем им,
Чтоб в школу рисованья
В Париже поступить.
Самое престижное
Заведенье там,
И строгость наивысшую

К студентам мастера
Применяют; загружают
Так, что силы быстро тают
У всех тех, в ком нет таланта.
Остаются лишь атланты.

Ярким был закат на небе,
Но он тусклым выходил
У студентов на мольбертах,-
Кто-то слишком много лил
Воды, а кто-то густо мазал.
Лишь семеро из двадцати
Выделялись, – как-то сразу
Удавалось им найти
Пропорции, цвета и тени,
Подходящие к их цели.
И был среди этих семерых
Студент по имени Рено;
Он работал за двоих
Над собой, но до сих пор
Не так цвета производил,
Как требовал того учитель.
(Часто спорили они.
"Ты вечно будешь, как любитель!
Что-то дикое в твоих
Картинах... А что, и не пойму.

В общем, стилю твоему
Нет места в нашей школе!
Не исправишь, – прогоню!
Я тобою недоволен." -
Так учитель своему
Подопечному твердил,
Но всегда его ценил
Выше остальных студентов,
И как раз, за буйство цвета).

И сейчас Рено всё так же
Не менял своей манеры,-
Жёлтый, алый и оранжевый,
Ярко красный, и даже серый
С фиолетовым пошли
На создание заката.
Всею силою души
Рено хотел придать характер
Небу, солнцу, облакам;
Но чего-то не хватало.
И тогда он нож достал,
Палец полоснул им, – в алый
Цвет добавил крови;
И услышал, как играют
Эти самые симфонии,
О которых рассказал им

Их наставник. В полотне
У Рено разыграл оркестр!
Музыка небесных сфер
Зазвучала! Лик кровавый
Солнце миру показало!
Потрясающее чувство
Отразилось на холсте,-
Страшно, весело и грустно
Одновременно; во всей
Картине мрак безумства
И свет мудрости смешались;
Смех и стоны раздаются,
Горе переходит в радость!
Хаос и порядок рядом;
Всё доступно слуху, взгляду
Внутреннему. Сила есть
На картине; воля здесь,
Словно море, разлилась,
И в нём огнём пылает страсть. -
Можно было б так сказать;
Словами то не описать.
Учитель просто онемел,
Когда картину ту узрел.

Поступил Рено учиться,
Но вскоре был, увы, убит

В кабаке, (там веселиться
Он любил, – не усидит
За столом своим спокойно,
А пойдёт всегда буянить.
Так и получил по горлу
Он ножом; кровь не уняли).
Мастер очень был расстроен.
"Эх, зачем ему талант
Дали боги? Горе! Горе!
Но сам он в этом виноват;
Абсентом погубил себя,
Постоянно пьян бывал,
Вот и задремал в итоге.
Се предсказуемый финал.
Бродяга на большой дороге,-
Вот, кто был он; но писал
Хорошо! Картину я,
Пожалуй, у себя оставлю.
Если бы была семья
У него, тогда б мамане
И папане подарил..." -
Так наставник рассудил,
И повесил полотно
В зале, прям под потолок.

Часто он любил смотреть

На творение Рено.

"Непонятно, как он смог
В краткий срок так овладеть
Цветом, тенью?.. Видит бог,
Что и я так не сумею.
Да, пред нами был бы гений
Через пару лет... Но что
Же есть в этой картине
Такого, что никак увидеть
Не могу я?.. Дёрнул чёрт
Напиться этого Рено!
А не то, такое б миру
Наша выставка явила!"

Первые недели две
По душе была картина
Учителю. Всегда везде
О ней, с восторгом, говорил он
Своим знакомым; всех гостей
Скорее заводил он в зал,
И там порой по два часа
Осанну живописи пел.
Кисть художника-творца
Он сравнивал с пером поэта:
"Красота сия под стать
Дворцам! Нигде вы больше это

Не увидите. Лишь в Лувре
Есть подобные шедевры."
– Что-то, сударь, вы загнули.
Странная картина, нервная...
(Так обычно отвечали
Мастеру), но он ни мало
Не смущался: "Не поймут
Дилетанты! Им бы плуг
Да топор, а не мольберт.
У них чутья к искусству нет.
Прекраснейшее полотно!
Я хорошо украсил дом."

Но потом восторг прошёл,
Появилось беспокойство.
То ль напуган, то ли зол
Стал художник, – не смеётся
И не шутит так, как раньше,
А всегда в унылом, мрачном
Настроеньи пребывает.
Что-то сердцем ощущает
Он недоброе, и это
Как-то связано с сюжетом
Той картины. Плохо спать
Стал наставник; он во снах
Ярких видел кровь-закат,

И, с диким криком, по ночам
Просыпался потный, бледный.
И днём, увы, не видел света,
Всюду был кромешный мрак;
Тоску, тревогу, жуткий страх
Ощущал преподаватель,
На закат кровавый глядя.
"Боже правый! Чертовщина!
Надо продавать картину!
Её с руками оторвут;
Не зря нахваливал я тут
Мастерство Рено... Ух, дьявол!
Действительно, шедевр создал он..."

В воскресный день пришли в усадьбу
К наставнику три покупателя,
Но покупать они не стали, – ограбили.
Ножами острыми, как скальпели,
Зарезали они его; закат оставили
Кровавый на стене и на полу.
Но и грабителей отъявленных
Убили вскоре, потому
Что о картине той узнали,-
Где б она не побывала,
Везде ножами рисовали
Разбойники закат кровавый.

Дракон

"В китайской притче говорится,
Что, коль речная рыба сом
По водопаду вверх стремится,-
В дракона превратится сом.
Усердней надо вам учиться.
Кто с дисциплиною знаком,
Тот своего всегда добиться
Сможет. Резче кулаком,
На выдохе рази, Смирнов!
Так, чтобы от каждой мышцы
Импульс шёл к Петрову в лоб.
Спокойней будь, ты суетишься.
Каждое своё движенье
Сотни, сотни раз подряд
Повторяйте, и уменьье
К вам придёт. Я очень рад,
Что сегодня вы трудились.
А теперь, все поклонились...
Завтра ката повторять
Будем; подготовьтесь дома.
А сейчас я рассказать
Вам хочу одну историю."
– Про Китай? "Нет, про Японию."

Престарелый самурай
Харакуми Мураками
Отошёл от дел, и стал
Жить в горах. Искал он
Истину в уединении.
Днём он слушал, с упоеньем,
Пенье птиц; а вечерами,
В хижине своей, с волненьем,
Записывал воспоминанья
В толстый свиток. Вдохновенье
Частым гостем было в доме
У отшельника седого,-
Рядом с прозой ловко хокку
Сочинял он; в изумленье
Духов горных приводил,
(С ними самурай дружил;
Постиг душою просветленье
В одиночестве своём.-
В дракона превратился сом).

Год за годом жил один
Харакуми Мураками.
С гор спускался он в долину
Лишь за рисом. Люди знали,
Что старик был просветлён,

И в ученье предлагали
Детей своих ему, но он
Всегда отказывал крестьянам.
Не хотелось самураю
Нарушать в себе покой,
Заражаясь суетой.
Но один крестьянин старый
Был настойчив, – сыновей
Приводил он постоянно;
Днём и ночью у дверей
Хижины они стояли,
Мураками поджидали.

"Крепкий стержень есть в отце.
Надо сыновей проверить.
Жизнь моя уже в конце
Пути; всё, что умею,-
Должен передать я им.
Возьму в ученье; поглядим,
Будет ли из них хоть кто-то
К науке боевой способен."
И взял к себе он всех троих
Юношей; учить их стал.
Одно заданье он им дал,-
Лес бамбуковый срубить,
И сделать палки, как катаны,

И ими днём и ночью бить
Неустанно три удара.

Первый ученик ушёл
Через год. Второй все три
Выдержал. А третий смог
Себя в дракона превратить.
Пять лет он палками стучал;
А на шестой, учитель дал
Острый меч ему в подарок,
И им он почести снискал
Себе, – срезал одним ударом
Туловища у врагов.
Легендарным самураем
Стал крестьянин; в сонм богов
Перешёл он после смерти.
Силу получил усердием.

Весенний экспресс

За окнами вагона талый снег
Белеет островками на полях,
А голый лес чернеет вдалеке,-
Весь горизонт сплошная полоса.
Мы едем в скором поезде к весне,
Приветливо встречает нас она
Сияньем солнца в вольной синеве
И ароматом свежести в ветрах.
Мелькают полустанки, как во сне
Видения, – посёлки, города;
Они все есть, но их как будто нет,
Скрываются, уходят в никуда...

И точно так же, вереница лет
Проносится за жизненным окном,
И остаётся только тонкий след
На памяти – спасительный перрон.
А кто же знает, может быть, те дни
Остались где-то там на полустанках?
Нам надо развернуться к ним
И ехать в направлении обратном,
И встретим тех, кто был живым.

Но поезд наш идёт в один конец;
Все станции растают, словно дым,
И стук колёс – биение сердец
Замолкнет... Время-машинист
Неумолимо мчит экспресс весенний;
Надрывно раздаётся свист,
Гудки, идущих в бездну поколений.
И монотонно-длинная дорога
Опять покажется потомкам новой.
Мы не уедем из родного дома,
Мы снова будем в этих же вагонах.

Встреча с Драконом

Я, как младенец, верю в чудеса,
И, словно старец, им не удивляюсь.
В огромном море волшебства
Я каждый день купаюсь.

Волна в пучине естества
Одна, а тьма вещей – обман.
Мир-океан, как капля стал,
Когда в воде я Дао увидал.

Ты спрашивал меня, кто высший?
Низшие и высшие – одно,
Нет различия, есть те, кто дышат;
Дао им придало много форм,
Но они едины в этом мире;
Сущее присутствует во всём.
В дереве и в птице, даже в глине
Дао обретает дом.

Ты спросил, что будет после смерти?
Но ответь мне, что такое жизнь?
Оглянись. На этой круглой тверди
Видна твоя заоблачная высь,-

Она в лесах, в горах, и в ветре,
И в самом тебе. Мы – дети
Вечности; мы, вместе с Дао,
Не возникая и не умирая,
Всегда во всём существовали.

Конфуций, с Лао-Цзы поговорив,
К ученикам своим вернулся,
И молвил им: "Я до сих пор не жил,
А спал; и лишь сейчас проснулся.
И этот день запомню навсегда,
Сегодня я Дракона увидал..."

Дед Мороз

По глубоким сугробам идёт дед Мороз
И суровую песню надрывно поёт:
"Ох, как много хороших подарков принёс
Я всем тем, кто застыл, словно лёд!
Они хладны, как снег, в жилах кровь не течёт,
И глаза их стеклянные света не видят;
Скоро белой пургой их тела заметёт,
Я покой ледяной подарил им!
Ну а те, кто не спят, те без рук и без ног,-
Многих я наградил в эту зиму!
Для меня этот мир, как огромный сугроб,
Ох-хо-хо! Всех живых в него кину!
Ждут детишки меня возле ёлок в домах,
Но я вовсе не Оле-Лукойе!
Ох, изведали б детки колючий мой нрав,
Я б такую им школу устроил!
Здесь на севере диком, в холодных ветрах
Дух мой лютый скитается вольно;
Я Мороз, а не дедушка в красных штанах!
Ух, как людям я сделаю больно!"

Отмороженный дед по сугробам глубоким
Добирался в жилище своё;

Там, в избе ледяной жил он не одиноко,
(Было в сердце жестоком тепло,
Когда внучка Снегурочка рядом смеялась,-
Вместе с дедом она прописалась).

Вошёл в дом Мороз, сел на лавку, снял шапку,
И такие слова произнёс:

"Ух, устал! Целый воз притащил я подарков
Мертвецам; всех пургою занёс!
Ты, Снегурка моя, что-то невесела...
Расскажи, что случилось с тобою?"

– Долго плакала я, в синих льдинках глаза
Оттого, что мой дед только горе
Всем живым приносил. Ты бы повеселил
Хоть раз в год детвору в каждом доме.
Далеко-далеко, где-то там за бугром
Санта-Клаус и Оле-Лукойе
Не морозят, а греют теплом и добром,
И подарки приносят к застолью.

"Это что же такое?! И ты к новой моде
Деда родного склоняешь!
Не люблю я живое! Мы царили в природе,
А теперь для живых, понимаешь,
Спину гнуть под мешками велят!

Не подходит такой вариант!"

– Дедушка милый, один только день,
Раз в году, будь поласковой к людям!
А не то стану плакать всегда, мне не лень,-
Горы льдинок у нас в доме будут!

И заплакала внучка, навзрыд зарыдала,
А Мороз успокаивать начал её:
"Я всё сделаю в точности так, как сказала
Ты мне; буду добр в Новый год."

И с тех пор стал подарки носить дед Мороз
В Новогоднюю ночь всем детишкам.
Добр он в доме; но помни, что уши и нос
Всё ровно отдерёт тем, кто вышел
Из дома в сугробы, не зная прогноз.

Год дракона

"Новый год по всем фронтам
Быстро наступает к нам.
Шурум-бурум! Тарам-ба-бам! -
Фейерверк гремит.
Смотрите, дети, вот и сам
Дракон сюда летит!"
– А где дедушка Мороз?
"Не дошёл, в пути замёрз.
Но ничего, мы без него
Встретим Новый год.
Иванов, ты – зайка серый!
Перестань трепать лису
За косу! Ох, мои нервы...
Праздник уже на носу,
Надо репетировать!
Дед Мороз за шиворот
Схватит тех, кто не готов,
И прочь отсюда выкинет!
Так, здесь зайка Иванов,
Тут лиса Бакиева,
Рядом волк стоит – Смирнов.
Где Дракон? Васильева!
Куда ушла?! Сюда иди!..

Начали. Дракон летит;
Шурум-бурум! Тарам-ба-бам!
Фейерверк гремит!
Заяц, говори... Как там?"
– Горят уже огни
На ёлочке зелёной.
Я зайка; прыг-прыг-прыг,
Спешу скорей под крону,-
Подарок там лежит.
"Не тот куплет! Дракон ведь
Ёлку не поджёт ещё!
Ну как тут не запомнить?!
Бездарный заяц Иванов!"
– Помню я, Дарья Петровна...
Я зайка серый, – прыг из дома,
И в лесочек поскакал,
Чтобы встретить год Дракона;
Там подарки, я слышал,
Выдают всем поголовно.
"Так, молодец. Теперь лиса.
Бакиева! Не засыпай!"
– Я хитрая лиса,
И зайчика я по следам
Найду; подарки отберу
И спрячу их в снегу.
"Правильно. Волк, продолжай.

План лисы ты разгадал,
И не хочешь каравай
С ней делить. Давай."
– Я серый волк, кусаю в бок
Упитанных зверят!
В корейской кухне знаю толк,
Съедаю всех подряд!
Подарки силой заберу
У хитренькой лисы,
И буду праздновать в бору
Новый год, один.
"Ага! Назрела интрига!
А теперь вылетает Васильева.
Дракон, огонь принеси к нам!"
– Дарья Петровна, я текст позабыла...

Нервы у Дарьи Петровны
Сделались вовсе ни к чёрту,
И она превратилась в Дракона,
Поздравила всех с Новым годом.

Песня баяна

Когда баян хотел сложить
Песню мудрую, – то он
В небесах парил орлом,
Волком по лесам ходил,
Белкой резвою скакал
По ветвям дерев; везде
Должен побывать баян,
Чтобы песню звонко спеть.
Ярочатых гуслей звон
Слушал он, и улетал
Птицей в синий небосклон,
Рыбой в море уплывал.
И сейчас старик-баян,
Вещий соловей чудесный,
Тоже долго вспоминал
Что-то прежде неизвестное.
Струнами он рокотал,
Погружённый в думы чудные;
Что-то слышал, наблюдал...
А потом он полной грудью
Тяжело вздохнув, стал петь:

Всех сильнее на свете смерть,

Всюду царствует она;
Испокон земная твердь
Вотчиной её была.
Все попали к смерти в сеть;
Но есть те, кто вечно живы,
Их тела сейчас в могилах,
А их души вечный свет
В высоте небесной видят.
Любят в стае лебедей
Полетать они над миром,
И курлыкают тоскливо
О земной судьбе своей.
Как лебяжий пух, чисты
Были души их при жизни.
Силы света, после тризны,
В лучший мир их вознесли.

А другие, коих много,
Вечно бродят по дорогам,
От порога до порога. -
Шепчутся в листве деревьев;
Или в поле на просторе
Шелестят, в густой траве
Пробегая словно волны.
Души их умеют петь
С ветром вольным; в непогоду,

Словно зверь они реветь
Начинают, долго, злобно.
Или сипло в сквозняках
Заскулят, с надрывом, с болью.
Хочется им в бранный прах
Обратиться, но не могут.
Рады они стать травой,
Рыбой, деревом, иль птицей,
Иль водою ключевой;
Но такого не случится.
Вечно на ветрах носиться
Душам мёртвых суждено,
(Мёртвыми они при жизни
Были; ни добро, ни зло
В душах их не поселилось).
Им земная жизнь приснилась.

Будьте живы в этом мире,
Сейте семена добра,
И тогда из тучной нивы
Перейдёте в горний край.

Попутчик

Подняла в степи метель
Метлой своей охапки снега,
Ни зги не увидеть теперь,
Вокруг пурга; а до ночлега
Десять вёрст ещё проехать
Надо нам. Уже темно.

Наш извозчик, – неумеха,
Сбился с колеи давно.
"Кони вынесут к жилью!" -
Говорит он нам, со смехом.
"Всюду они путь найдут,
Им метели не помеха!.."

Пять часов в степи блуждали,
В темноте, а злая выюга
Продолжала наши сани
Заметать; уже друг друга
Разглядеть чрез пелену
Не могли мы, – всё в снегу.
Вдруг извозчик крикнул: "Тпру!"
Лошади остановились.
"Говорил вам, что найдут!
Возле дома очутились!"

Вылезли мы из саней;
Смотрим, – перед нами хата,
(В двух аршинах от дверей
Оказались). Рады с братом
Были мы приют найти.
Говорю я: "Постучи,
Братец, пусть встречают.
А тебе, лихой ямщик,
Два целковых добавляю
За труды! Примчал нас вмиг!
Только вот, куда? не знаю...
Одна единственная хата
Посреди степи стоит;
И, видать, живут богато
В ней, – на окна посмотри,
Рамы как из Петрограда!
– Бедняки, или богатые,
Это уже дело пятое.
Лишь бы были они рады
Нам, гостям незваным.
(Брат в ответ мне проворчал;
Очень он в пути устал).
– Богаты, значит, жадные.
(Ямщик задумчиво изрёк).

Постучали мы, и ждём...
Видим, – тусклый огонёк
Загорелся в доме том,
(Со свечою кто-то ходит).
Скрипнул на двери затвор,
И явился на пороге
Старый дед, (держал топор
Он в руке), и хитрым, долгим
Взглядом изучал он нас.
– Это кто в столь поздний час
В гости вдруг решил зайти?
Эк, и носят черти вас!
Кто такие? Говори!
"Православные мы, дед.
С ярмарки в деревню едем."
– А Господь в дорожку бед
Вам послал, присыпал снегом,
Хе-хе-хе! Давно плутаем?
"Пять часов мы разменяли
По ухабам; мочи нет...
Лошади сюда примчали
Наши сани. Нам рассвет
Встретить бы в тепле; устали.
– Проходите. Я вам чаю
В самоварчике поставлю,
С сухарями. Трое вас?..

Значит, места хватит.

И зашли мы все втроём
В этот дом; а в нём темно.
Тускло свечка освещает
Стены, пол и потолок,
Печь большую и плати,
Стол дубовый и скамьи.
Мрачный, неудобный вид;
Ни одной иконы там,-
Красный угол пуст стоит.
"Подскажи-ка, старина,
Где нам Бога помолить?" -
Деду говорит ямщик.
- Мой Господь к чужим грехам
Интереса не имеет.
Закрывайте крепче двери,
И поужинать садитесь;
Сухарями угоститесь,
Больше нету ничего.

"И куда нас занесло?" -
Братец шепчет мне, с тревогой.
"Не в вертеп ли колдовской?
Этот пень не любит Бога.
Где же видано такое,

Чтобы в доме, без иконы..."

Сели мы за стол, чай пьём.
А старик возле печи
Низкие поклоны бьёт,
И что-то про себя бубнит.
А потом всё громче, громче
Стал он в печку бормотать,
И вскричал вдруг: "Выйди, Отче,
С нами в карты поиграть!"
Дверца печки отворилась,
И оттуда, весь в огне,
Козломордый дьявол вылез,
С жезлом пламенным в руке.
"Добрый вечер, господа.
Как темно у вас в избе...
Но со мною будет свет!
В карты будем мы играть,
Призвал меня из пекла дед." -
Так нечистый нам сказал,
И за стол дубовый сел.

Обомлели мы с испугу,-
Сатана сидит пред нами!
Смотрим дико друг на друга,
Ничего не понимая...

А нечистый ловко карты
Стасовал, раздал на всех.
И своей когтистой лапой
Слиток злата, как орех,
Из-за пазухи достал.
"У меня мешок таких,-
Грешников я обобрал,
Заплатили за грехи.
Я поставлю на́ кон злато.
Ну а вы, лишь часть души,
(Всю её чертям не надо);
По частичкам небольшим
Отдавайте честь и правду,
Совість, веру и любовь.
Уверяю вас, вы рады
Будете, что плоть и кровь
У вас останется без духа,-
Легче станет в этом мире.
Злато есть, и с ним разруха
Не страшна, – вы в изобилии."

Дьявол высказал своё
Предложение, и ждёт,
Что ответим мы ему.
Подмигнул я ямщику,
Братцу тоже, и все вместе

Стали бить мы сатану.
– Так тебя сейчас покрестим,
Козломордый, что в аду
Родственники не признают!
Говори, куда запрятал
Свой мешок?! Живее, плут,
Вспоминай, где наше злато!
"За печкою лежит, в углу;
Там, где этот жид пархатый
Молится!" – Сказал нам дьявол,
И исчез, как дым растаял...

... ..

Забрали мы мешок с деньгами;
А хату подожгли, – клубами
Повалил из окон дым,
(Нечисть там внутри сгорала).
Быстро сели в сани мы,
И по заснеженным ухабам
Понеслись. Но места мало
Стало, – с нами ехал дьявол.

Клятва

Я, господа, очень болен,
Трудно вести мне рассказ;
Сумбур в голове. Но попробую.
Вот только выпью сейчас
Пять капель проклятого брома,
И начну многословить...

Давно это было, лет сорок назад,
Жил я тогда в Смоленском уезде.
Дом наш в прекрасной уютной окрестности
Был расположен, – река, дивный сад,
Рядом поля и леса. Сотни мельниц
Махали крылами своими, (у нас
Была мукомольня большая, известная;
Муку оставляли мы и про запас,
И торговали ей повсеместно).
Огромные средства наше семейство
Имело в те годы; торговля мукою
Роскошный дворец нам построить в поместье
Позволила. Хорошо его помню, -
Арки, балконы, резные узоры
На длинных колоннах; прелестно!
Лишь в Петербурге я видел такое.

Не дом, а собор; много места.

Часто отец, или старший мой брат
К нам приглашали помещиков местных,
А те, как известно, всегда норовят
Дочек своих выдать замуж любезно.
И вот, помню я, как-то раз в воскресенье
Полно собралось в нашем доме гостей;
Весь вечер мы пили, плясали и пели,
(Отцы притащили с собой дочерей).
Словно товар они их выставляли,
И торговались с моими родными.
Мама моя и отец выбирали,
А брат хохотал и игриво подмигивал
Мне, – мол, пропал ты теперь,
Оденут тебе ошейник на шею;
Был ты когда-то свободный кобель,
А станешь собакой цепной; ох, жалею.
(Отец мой и мама – купцы, не дворяне;
Всё по-простому у них, как в деревне.
А нам они дали образование,
Мы с братом культурно кумекать умели.
Семь лет мы одни жили с ним в Петрограде,
И там постигали в лицее ученье.
Когда же назад возвратились в усадьбу,
То часто впадали в оцепененье

От местных мещанских манер.
От массы народной высокий барьер
Нас отделял; мы привыкли смеяться
В провинции нашей буквально над всем.
Первое время, как иностранцы
Были мы с братцем, – куда и зачем
Мы возвратились? Семь лет обучаться,
Чтобы потом средь полей оказаться...
Брата женили два года назад,
А теперь на меня покушаются.
Таким обстоятельствам не был я рад).

Три молодые красавицы
Сидели у нас за столом;
С одной из них я был знаком,
Она мне давно уже нравилась.
Было в ней что-то цыганское,
Свободное, роковое;
Глаза её, словно море,-
Глубокие, тёмные, страстные.
Фигура под стать балерине,-
Стройна как газель, и ловка,
Лёгкость в руках и в ногах;
Пред нею девицы другие
Невзрачны казались всегда.
Цыганочка эта была

Честной, свободной особой;
Не станет она вздыхать,
И улыбаться притворно.
Если бы мог выбирать
Я, то, конечно б, её
Взял себе в верные жёны.
Но мама с отцом о своём
Думали, – им бы тонны
Злата с приданым заполучить,
И десятины земли.
Короче, меня они были готовы
На сдобной купчихе женить. -
Их двое сидело у нас; бесподобно
Жеманясь, кривлялись они,
(И это считалось у них превосходным
Тонем). Когда говорить
Они начинали протяжно и томно,-
Меня начинало тошнить.

Долго застолье у нас продолжалось;
Темно уже было, когда
В сад всей компанией мы отправились,
Решили одни погулять,
Без стариков, (они за столом
Остались, чтоб торговаться).

Красиво в саду; на аллеях акации
Стройные пышно цветут,-
Сладкие запахи померанца
И миндаля издают.
Наш садик девицам понравился:
"Если бы жили мы тут,
То из цветов бы не выбирались,
Ах, как прекрасно растут!"
Смешливых купчих развлекает мой брат;
Шагают они впереди, и галдят.
А я со своею цыганкой
Иду позади, и целую украдкой
Её, а она тому рада. -
Вижу, что всё выйдет гладко.

В любви признавался я ей горячо:
"Мы тайно с тобой обвенчаемся.
Знай, мне указы отца нипочём!
Тебя я люблю, ты мне нравишься!
Любить тебя буду до гроба;
Ты чудная, нежная, добрая..."
И всё в том же духе я продолжал,
А она отвечала: "Посмотрим.
Ты не словами мне обещай,
А поклянись своей кровью. -
Руку порежь, и мне на ладонь

Накапай, и будет довольно
Этого; ты станешь мой."
Я содрогнулся невольно,
Глядя в тот миг на неё;
Что-то во взоре её колдовское
Было... Под полной луной
Странный обряд я исполнил.

Жили мы с нею, как муж и жена
Месяц, наверно; любила она
Страстно. А я через пару недель
К ней охладел. Мне жениться пора
На той, которая много земель
И злата семейству добавить должна.
Венчаться с цыганкой я вправду хотел,
Но протрезвев, передумал, – меня
Отец бы без денег оставил тогда;
(Очень он лют, как огонь его гнев,-
Всех неугодных сжигает дотла).
Купчиху дородную выбрали мне.
Брат говорил: "Это, брат, не беда,
Дома жена, а девицы – везде.
Я сам это всё на себе испытал.
Будь мудрым, доверься судьбе.
Подумай о нашей семье."

Роскошную свадьбу в усадьбе сыграли.
В доме у нас вся смоленская знать
Собралась: генералы, чины из управы,
Знатные дамы; вся высшая рать
Пришла поздравлять нас. Шикарно
Мы праздновали торжество;
От яств и напитков ломился наш стол.
Скрипки и арфы, и фортепьяно
Нежно звучали, (оркестр прислали
Столичный, отлично играл он).
В саду у пруда мы устроили бал,
Весь наш уезд на нём танцевал.

Среди приглашённых была и цыганка;
Печально смотрела она на меня.
От взгляда её на душе моей ранка
Закровоточила... Ни слова она
Мне не сказала; и, без скандала,
Покорно, но гордо ушла.
А позже и вовсе куда-то пропала;
В другую губернию, говорят,
Семья их большая перебралась.
На этом закончилась наша связь.

Первое время мы жили с женою
Отлично; всего у нас вдоволь,

Совет да любовь в отношениях личных.
Первенца мне родила она вскоре.
Помню, как он из пелёнок нас зычно
Приветствовал во всё своё горло.
Но прожил мой сын только год,-
Он проглотил случайно стекло,
И кровью истёк. Второй наш ребёнок
Тоже случайно зарублен косой,-
Любил он в пшенице играть, пострелёнок,
В колосьях высоких... Ах, боже ты мой.
А третий ребёнок мёртвым родился,
И следом за ним жена умерла;
Роды тяжёлыми были, – открылось
Кровотеченье... Такие дела.

Нарушил я клятву кровавую;
И жизнь моя стала отравой,
Которую пью по сей день.
Давно я уже поседел;
Я стар, мне семьдесят скоро.
В жизни своей только горе
Встречал я; печальный удел
Судьба уготовила мне.

Тишина звенит

Когда звенит тишина
И мрак непроглядный мерцает,
Тогда и приходят сюда
Духи из горнего края.
Под бледной унылой луной
Они на ветрах проплывают,
Холодную, мёртвой тоской
Воздух вокруг наполняют.
Шорохом листьев осенних
Беседуют духи со мной
О том, что придёт воскресенье,
Но не настанет покой.
Они говорят мне про мир,
Про смысл бытия в мироздании;
Про то, как уходят с Земли,
И вновь на неё попадают:

"В лучших мирах жили мы,
Но снова вернулись назад,
И будем опять рождены
В убогих двуногих телах.
Мы выше взошли на ступень,
Нам ведома цель совершенства;

Представь, как же тяжко теперь
Лишаться добра и блаженства!
Из горней страны за грехи
Изгнали нас высшие силы;
На Землю велели они
Вернуться. Как опостылел
Ваш мир! Мы тысячи лет
Скитались по этой планете
В телах пауков и червей,
Животных, и птиц; сто столетий
Тяжко промучились, чтобы
Стать наконец-то людьми.
И надо сказать, что особой
Разницы между зверьми
И человеками нету.
(Позже мы поняли это,
Когда жили в лучших мирах;
С обителью горнего света
Сравнили мы гадкий ваш мрак).
Теперь наша песенка спета;
Снова мы станем слепыми
В тёмном безрадостном мире.
(Нельзя смысл жизни увидеть,
Когда позабыл о развитии
Преждем; мы были богами
В сравнении с вами, земляне!)

И только ночью порой,
На лоне прекрасной природы,-
На море, иль в чаще лесной,
Мы смутно о рае припомним."

Облачная легенда

Там на синем небосклоне
Море вечного раздолья
С островками облаков,
И невидимые волны
С белой пеною ветров;
Там страна идей Платона.
(По велению Богов
Во владенье мудрецу
Выделили сто домов,-
В них философы живут.
Те дома, как облака
Кучевые, странной формы;
Вы их все наверняка
Видели на небосклоне.
Аристотель, Пифагор,
Диоген и Эпикур,
Гераклит и Протагор
Дождиками с неба льют).
Днём и ночью в облаках
Эти мудрецы витают,
И идеи обсуждают.
Нет покоя в их умах,
Сильно жажда знаний

Их одолевает.
Все они попрали прах;
Живут, не умирая.

Как-то раз Платон с Сократом
И премудрый Аристарх
Шли тихонечко по саду.
(Есть сады на небесах,-
Мир идей; там всё бывает,
Разум мысли воплощает).
Шли они, и говорили
Про известного смутьяна;
Очень сильно досадил им
Диоген. (Он, как ни странно,
И на небе против всех
Восставал; он постоянно
Поднимал других на смех).
– Что нам делать с хулиганом?
(Обратился Аристарх
К спутникам своим). Я знаю,
Что ему неведом страх,
Он теперь всё презирает.
Надо как-нибудь к изгнанию
Нам его приговорить.
– Диоген к увещеваньям
Глух; но вправе жить

С нами, (отвечал Платон),
Это решено Богами;
Я здесь как бы не при чём.
– Но поэтов же изгнали!
– Там совсем другое дело;
Я послал их всех к Гомеру,
Потому что мудрецов
Среди них почти что нету.
Кашица созвучных слов,-
Вот что в головах поэтов.
– Сократ, ну ты-то подскази,
Что нам делать? Как же быть?
Только, проще говори.
– Что нам делать, ты спросил?
Ты задал вопрос, ведь так?
– Начинается... Ну да.
– Значит, мудрый Аристарх,
Сей вопрос ты не решил,
А ответ ты от меня
Хочешь получить? Всё верно?
– Да иди уже к Монтеню!
Господи, что за манера,-
На вопрос опять вопрос!
Это дико! В самом деле...
Ты как будто бы мне нос
Хочешь поломать словами!

Иудеи отдыхают
По сравнению с тобой!
– Если я такой плохой,
То с Платоном разговаривай;
У него язык простой.
– Диогена на изгнание
Осуждать не станем; но
Можно попросить Богов,
Чтобы бочку отобрали
Они силой у него.
Без неё он заскучает.
(Отвечал друзьям Платон).
– Аристарх, ты астроном,
Вот и отправляйся к звёздам.
Зевс живёт недалеко;
Он квартирой обзавёлся
Новой, в центре Ориона.
Лети к нему; он благосклонно
Отнесётся к нашей просьбе,-
Бочку разнесёт на доски.

И, по просьбе мудрецов,
Громовержец отобрал
Бочку; но не расколол
Он её, а так сказал:
"Диоген, когда ты зол,

То все тучи в небесах
Будут чёрными; и гром
Будет гневно грохотать.
В непогоду, долго, злобно
Бочку можешь ты катить
На кого угодно, молнии
Извергая; всех живых
Вмиг дождями затопить
Властен ты. Подлунный мир
Будет в бочке Диогена.
Во время мощных проливных
Дождиков, всех откровенно
Мудрость грека окропит."

Старик у моря

Былые дни, как павшая листва,
Шуршат в ветрах воспоминаний.

Опять всю ночь мне не до сна,

Моё сознание терзают

Стаи яростных химер;

До утра сражаюсь с ними.

А потом мне светлый день

Серым кажется; унынье

Омрачает разум мой.

И тогда иду я к морю;

Там, неистовый прибой,

И величие простора

Необъятного, – покой

Дарят мне; я как во сне,

Вдаль плыву волной...

Ни единой мысли нет

В голове моей бессонной;

Только ясный солнца свет,

И вечное раздолье

Морское... Сотни лет,

Как единое мгновенье

В океане времени.

Грёзы видит человек,

Наша жизнь – виденье.
Позапрошлый, прошлый век,
Настоящий, – что всё это?
Всё пройдёт бесследно.
Девяносто девять мне
Стукнет скоро; видел я
Многое в своей стране.
Отроком повоевал
В партизанах; а потом
К коммунизму бодро шёл
С комсомолом. Вся эпоха
В памяти моей живёт,
И ночами спать покойно
Не даёт: я слышу грохот
Орудийный, и речовки
От Парткома длинные.
До утра, без остановки,
Словно лента кинофильма,
Жизнь моя передо мною
Крутится. И лишь у моря
Обретаю я покой,
Вдаль несусь волной...
Там, на новых берегах,
Знаю я, настанет рай.
На Земле оставим прах,
И счастье будет нам.

Награда

"Через три полёта стрелы,
За тем высоким холмом
Городище увидите вы,-
Частоколом высоким оно
Обнесено с трёх сторон,
А с четвертой – холм; на него
Заберитесь ночью порой,
А потом, словно горный поток,
Устремитесь ратью на спящих,
И застигните всех их врасплох.
Ночью – самое подходящее
Время; дозор у них плох." -
Так сказал один эллин-предатель
Хитрым скифам; их конный отряд
Этой ночью отправится грабить
Спящий город, (он мал, но богат;
Из Ольвии привозили в него
Горы золота, хлеб и вино.
И при этом при всём
Только сотня бойцов
От врагов охраняла его).

Поздней ночью, в высокой траве,

Скифы тихо к холму подобралась;
Спящих стражников быстро во тьме
Перебили, и в город ворвались.
Все дома и амбары они
Обокрали; а эллинов пленных
Увели в становища свои,-
Всем им вытянуть жребий велели,
Для того, чтобы богу войны
В жертву выбрать троих из толпы.
И доля плохая досталась
Трём девицам красивым; они
Не хотели идти, упирались,
Голосили, рыдали навзрыд.
Даже в скифах внезапная жалость
Пробудилась от слёз трёх девиц:
"Вождь, вели нам других умертвить!
Пусть поплатится жизнью мерзавец,
Который нам предал своих
Соплеменников! Он нам не нравится;
Посмотри, как он нагло сидит
Со золотом кровавым в карманах!
Он угоднее богу войны,
Этот эллин – готовый подарок!"

Вождь подумал немного, и молвил:
"Много золота по уговору

Получил от нас гадкий предатель,
Но купить на него свою голову
Он не сможет; в аиде уплатит
Хитрый эллин скупому Харону
Налоги; надеюсь, что хватит
На дорогу в загробную сторону,
Там предатель и станет богатым.
Ну а мы своё верное слово
Сдержали, – вот тебе золото;
А жизнь мы не обещали.
Теперь ты уйдёшь в землю сколотов,
Навеки уснёшь в том кургане."

(Сколоты – племя скифов)

Атилла

Атилла направлялся к Риму.
Ордами свирепых гуннов,
С мудростью, руководил он;
На равнинах горы трупов
Оставлять не позволял им.
Покорившихся он данью
Облагал, не истреблял их.
"Потерпите, братцы; к Альпам
Подойдём, – тогда гуляйте;
Императорам и папам
Дружно головы срубайте.
А пока что нам не надо
Озlobлять всех тех, кто сзади
Нас останется; тылы
Быть надёжными должны." -
Так Атилла говорил
Храбрым воинам своим.

И вот через проход широкий
В Альпах воины попали
В Италию, и там жестоко
Осаждённых покарали.
Разгромили каждый город

На своём пути они;
Тех, кто стар, и тех, кто молод
В пламени войны сожгли.
Море крови, горы трупов
Оставляли за собой
Разгулявшиеся гунны.
Всю Европу в ледяной
Ужас они погрузили.
Быстро к Риму подходили;
Но коварная чума
Через тлен и смрад в ветра
Перешла, и заразила
Тех, кто сеял смерть и страх,
Войско грозного Атиллы
Вынудила отступить.

Когда Атилла в земли галлов
С крупною добычей шёл,
То по дороге увидал он
Мрачный и высокий холм.
На нём огромный чёрный ворон
С падалью в когтях сидел,
И страшным, полным гнева, взором
Долго на вождя глядел.
Потом промолвил он: "Атилла,
Лютой смертью ты умрёшь,-

Кровь из носа сильно хлынет
У тебя, и в теле дрожь
Ледяная пробежит;
Кровью захлебнёшься ты."

"Ну и пусть! – ответил вождь.
Я пол мира затопил
Ею; мне же, только нос
Бог за это окропит.
Бог войны меня привёл
В этот мир; и я доволен
Тем, что путь я свой прошёл,
Проливая море крови!"

На масленой неделе

На масленой неделе, в понедельник,
Поехал я с женою в Кострому.
У нас с собою много было денег;
Хотели мы купить сковороду
И самовар нарядный, чтобы чаю
С блинами от души наворотить.
(Мы Масленицу славно отмечаем,
К нам все соседи ходят погостить).

Двенадцать вёрст мы ехали по снегу
Совсем одни в глухом, густом лесу;
И к городу лишь в полдень подоспели,
Хотя с рассветом тронулися в путь.
Потом по рынку пять часов, наверно,
Блуждали, торговалися с купцами.
Жена моя такой бывает вредною! -
Когда пред нею множество товаров,
Ей надо посмотреть их непременно
Все сразу; спорить она рада
Из-за копейки каждой, до упада.
И надобно сказать, что ловко цены
Сбивать она умеет, – хоть до завтра
Готова у прилавков простоять.

Но время тоже экономить надо!
А ей о том не смей напоминать,
Иначе руганью тебя, как градом,
Обсыплет. В общем, где-то в пять,
Иль в пол шестого, с нею мы назад
Отправились с добытым самоваром.
Темно в лесу, тропинку не видать,-
Слилась она со снегом и кустами.
На сером небе звёздочки мерцать
Всё чаще и всё ярче начинают,
И острый месяц чётче прорезает
Серпом своим заоблачную даль;
Ещё пара часов, и тьма настанет.
(Вообще, часы привык я замечать,
Они всегда со мной, в кармане правом).

И вот уже темно в лесу густом,
А ехать нам ещё довольно долго.
Устали мы с женой, скорей бы в дом;
Нарядный самовар и сковородку
Достали б мы, и напекли блинков,
И чаю бы испили в чашках новых,
(Жена и их отбила у купцов
За пол цены, – сервиз из Пскова).
Поскорей бы до родной деревни!
Бесконечно долог тёмный лес,

Надоел он, – пни, бугры, коренья,
А вверху ветвей сплошной навес.
Медленно идёт лошадка наша,
Укачала она нас с женой;
В дрёме, словно в поле вспаханном,
Тонем тяжкою сохой...

Но вдруг мы увидали пред собой
Соломенное чучело большое,
Лохматое, и чёрное как смоль.
Вылезли мы из саней с женою,
Чтобы оттащить его с дороги,
А оно всё вспыхнуло огнём!
И к чучелу горящему выходит
Из бурелома тёмного народ,
И с песнею протяжной, долгой,
Вокруг огня заводит хоровод.
Родную бабку я в толпе узнал
И деда с братом; все они давно
Из мира перешли на небеса,
Покойники они. Не чуя ног,
С женою мы стояли, наблюдали
За тем, как совершается обряд.
Не всех своих родных мы узнавали;
Здесь были те, кто жил века назад.
Глазами пращуров на нас печально

Смотрела плодотворная Весна,
Марену-Мару на костре сжигала
Она; и хворь с земли ушла,
Как дым. Побегам молодым
Весна-красна дорогу в жизнь дала,-
Обильно на просторах тучных нив
Взойдут грядущей жизни семена.

Долго в хороводе том звучали
Древние напевы наших предков;
Дух народа эхом в вольном ветре
Раздавался. Рядом, вместе с нами
Стройным хором пели песнь славяне,
Нашу землю пеньем прославляли.

А потом на кочке наши сани
Подскочили, и очнулись мы. -
По дороге долгой задремали,
Но один и тот же сон в умы
К нам пришёл. История такая
Приключилась с нами в понедельник.
В воскресенье мы родню блинами
Поминали; пили, песни пели.
Вместе с нами праздник отмечали
Души предков, бабушки и деды.

Волга

Широка ты, Волга-мать,
Не видать конца и краю;
Океан тебе под стать!
Глубина необычайная
В волнах твоих, – она
Быль хранит многострадальную:
Слышу я через века
Причитанья погребальные,
Стон протяжный бурлака,
И невесты песнь печальную,
И напевы казака
Вольные и разудалые.
Вся страна моя бескрайняя
В волнах твоих, жива.
Волга, Волга, мать-река;
Даль родная необъятная...
Вижу я на берегах
Избы древние и хаты;
В них живут роды славян,-
Племя вольное и славное.
Вижу тех, кто жил в шатрах,
Орды их и каганаты;
Слышу дикий гик хазар,

Грозный вопль савроматов.
Волга-мать, река-страна,
Ты могучая, громадная!
Сильно в жилах у меня
Ты бурлишь! С тобою рядом
Буду до скончанья дней;
Плоть и кровь моя в тебе.

Барс

Когда на гусях яровчатых
Струны я перебираю,
То, под рокот их печальный,
Старину припоминаю.
Здесь она – седая древность,
На холмах родной земли.
На ветрах она пропелась,
Всюду разнесли они
Быль народную. Сейчас
Буду слушать сердцем глас;
Вольный ветер говорит
Мне о тех, кто жил до нас.

«Высоко огни пожарищ
Языки свои подняли.
Нету наших пастбищ,
Пеплом они стали!
Берега реки Итиль
Опустошены набегом!
А ведь я вам говорил,
Что страшнее печенегов
Русские полки бывают,
Если разозлили их.

Помните, какую данью
Заплатили нам они? -
Обоюдоострый меч
В прошлый год нам дали русы,
Чтобы нас предостеречь.
А теперь бежим, как трусы
От дружин свирепых. Нам
Наш Хазарский каганат
Не спасти, обречены мы.» -
Вот что рассказал шаман
Грустному кагану. Сильно
Потрепал их Святослав;
Волжский болгар прахом стал.

Храбрый барс, пройдя по Волге,
Устремился к Византии;
В переходах был он ловким,-
Русы скарба не возили
За собой; котлы, шатры
Ни к чему им. Небо – полог,
А земля – постель; костры
Согревали ночью тёмной,
И еду пекли на них,
Без котлов, – нарежут тонко
Мясо, и поджарят вмиг.
Быстро шли бойцы по тропам.

Святослав «Иду на вы»
Говорил врагам своим,
И легко, как барс, прыжками
Настигал повсюду их;
Честь и славу добывал он
В лютых стычках боевых.
А теперь им предстояло
Совершить большой поход.
Вещий воин завещал им
Хитрых греков каждый год
Облагать тяжёлой данью.
До сих пор Олегов щит
Служит знаком всем славянам,-
Вот куда должны идти
Все они путём Трояна.

В землю болгарскую русские вторглись;
Огнём и мечом покорили они,
В короткие сроки, огромную область,
Маршем победным прошли пол страны.
Путь к Цареграду свободен; по морю
Барс собирался на стругах доплыть
К царским воротам. Но вести от Ольги
Пришли: «Скорее на помощь приди!
Нас осадили свирепые орды,-
У Киевских стен печенеги стоят!

Дать им отпор мы теперь не способны,
Увёл ты с собою из дома всю рать!
Устала с тобою я спорить о том,
Как надо вести себя князю на троне.
Давно позабыл ты отеческий дом,
Ты занят всё время одною войною.
Послушай хоть раз престарелую мать,
Вернись и спаси стольный град от погрома!
Князь должен землю свою защищать,
А ты ищешь смерть в бесконечных походах!»

Пришлось с половиною войска идти
На выручку к стольному Киеву граду.
Сумел Святослав печенегов разбить;
Но мать не пускала вернуться обратно
В земли болгар: «Ты меня схорони,
Отдай мне последнюю дань уваженья.
Всю жизнь свою ты необузданным был,
Как ветер в степи. А теперь я в преддверьи
Рая; останься со мной, буйный сын.
А после вернёшься на тропы войны.»

Когда Святослав возвратился назад
В земли болгарские; всё изменилось,-
Народ покорённый внезапно восстал,
С хитрыми греками объединились

Болгары, (пришли с Цареграда войска).
Теперь сами русы попали в осаду. -
Лютая сеча повсюду была,
Воины в диких зверей кровожадных
Легко превращались на бранных полях,
Яростно, страшно, жестоко сражались.
Русичам вскоре пришлось отступить
В Доростол, (крепость у них оставалась
На берегу Дуная реки),
И там они стойко оборонялись.
Ловкие вылазки смело они
Делали, пищу пытаясь
Добыть, ведь у них
Припасы съестные кончались.

Тёмные тучи сгустились над ними,
Яростный гром прогремел в небесах;
Перун подсказал Святославу: «Погибни,
Иль победи! Выводи войска!»
Жертвы кровавые богу войны
Русы в тот день принесли;
И помолившись, в атаку пошли
Плотной стеной, как один.
«Станем же крепко, храбрые братья!
Мёртвые срам не имеют!
Вечность пред нами раскрыла объяття,

К пращурам держим мы путь!» -
Вскричал Святослав, и велел закрывать
Ворота за вышедшим войском,
Чтоб некуда было бойцам отступить;
На подвиг повёл их геройский.
Ринулись русы на полчища греков,
Звоном клинков оглашая простор.
По бранному полю кровавые реки
Текли, их поток омывал сотни гор,
Которые созданы были мечами
И топорами, – тысячи тел
Изрубленных, кучами всюду лежали;
Никто из бойцов отступить не хотел.

Греки числом подавили славян;
Пришлось принимать поражение.
Всем уцелевшим выход был дан
Свободный из вражьих владений.
Каждому русичу выдали хлеб
На дорогу, – лишь бы ушли;
Много доставили грекам проблем
Они во время войны.

Русичи плыли по рекам в ладьях,
И пешими шли по полям;
Скорее хотелось в родные края

Попасть им. А Святослав
Другую дорогу избрал;
Он знал, что в степях печенеги
Засаду устроят войскам,
(Давно подкупили их греки).
Барс разделил свою рать;
С малой дружиной пошёл он
Смерть в чистом поле встречать,
А всех остальных он до дому
Отправил. Последний прыжок,
С горсткой отчаянных воинов
Барс совершил. Лишь клинок
Смелую, буйную голову
Смог успокоить на веки,-
Куря – князь печенегов
Чашу трофейную сделал
Себе из неё; очень горд
Был печенег тем, что смог
Храброго зверя умирить.

Когда в степи тишина,
Слышен порой лёгкий топот,-
Разносят в просторе ветра
Эхо великих походов.
Шепчет густая трава
О подвигах буйных народов,

О храбрых героях, что страх
Не ведали в поле боя.
Жив ярый барс Святослав,
Он славу добыл на охоте,
И память о нём чрез века
К достойным потомкам доходит.

Родъ

Меря и мурома, корсь, жмудь и чудь,
Коми и пермь, весь, морт-уд и морт-ва;
Эти народы прошли долгий путь
От праязыков до прихода славян.
Когда называться мы стали, как Русь,
Греки нас звали – Великая скифь;
Надолго запомнили слово – "боюсь"
Они, видя славу походов лихих.
Могучая Русь подняла вольный стяг,
Огнём и мечом землю в битвах добыла.
Трувор, Синеус, Рюрик – храбрый варяг,
Сплотили всех диких в единую силу.
Шерсть нарастала на звере свирепом,
В суровой дружине окреп он.

В именах городов и в названиях рек
Остались забытые корни исконные;
С этих истоков лихой человек
В ладьях отправлялся в походы.
Леса и болота, широкая степь
И горы высокие, помнят
О том, как огромный медведь
Путь пробивал в буреломе.

Он царствует вот уже тысячу лет
Самовластно; силён он на троне.

Свет

"Мудрость с сединой приходит?" -

Внук у дедушки спросил.

– Нет, приходит только опыт.

Мудрым быть в рассвете сил

Нужно; и тогда, возможно,

Седина стать умной сможет.

Если молодой росток

В сорняках произрастает,

То полоть его потом

Тщетно; время потеряет

Растение в густой тени,

Хилым станет словно нить.

К свету разума идти

Надо с первых дней своих.

Окрылённый дух

"Познай себя" – философы твердят.

"Пойми других" – кричат отцы религий.

"Не верь в их бред про рай и ад" -

Глаголят умудрённые эмпирики.

А я пошёл своим путём. -

С самим собою не знаком я;

И всех других забыл, при том.

Лишь рай и ад запомнил.

Далёк мой дух от чьих-то догм,

Свободен он, как ветер в поле;

Мечтою чистой окрылён,

Он мчится по раздолью.

Ясный свет иных миров

Дух воспринимает;

Сбросив пыль веков, эпох,

К вечности взмывает.

Там незримый алгоритм

Предстаёт пред ним.

Видит дух, что было с ним

На просторах тьмы

Космической; везде он жил,

Населял миры,

Магическою силой был,-

Создавал живых.
Помнит дух иную жизнь,
Знает смысл существованья.
Говорит он мне: "Стремись
Ввысь, к блаженству рая!
Не иди тропой людской,
Чтобы не остаться
На поверхности земной.
Вверх тебе умчаться
Суждено, в обитель света;
Мысль твоя, как ветер."

Вот что дух мой изрекал,
Когда отчислили меня
Из трёх престижных ВУЗов.
Ни к чему мне груз их;
Я оставил ветхий хлам
Философам, врачам, попам.

Чудесная тенденция

Сознание наше – результат мутаций,
Недавно стали мыслящими мы.
Мы только начинаем подниматься
По лестнице к вершине; нам умы
Даны природой для борьбы,
А рефлексия и язык – побочны,
(Но лишь они увидеть Божий лик
Позволили среди стада позвоночных).
Сто тысяч лет, (от силы), человек
Скитается, как вид, по круглой тверди,
И не успел он за короткий век
Изжить в себе устои диких предков.
До сей поры мышление, без сознания,
Автоматический набор рефлексов,
Как деспот управляет нами,-
Мы мыслим с помощью контекста.
В природе этот способ был полезен,
А в социуме он – несовершенство.
Нас свой же ум дурачит повсеместно,
И, как известно, это столь любезно
Проделывает разум наш над нами,
Что сами мы того не замечаем.
Дефект мышления подтверждают тесты,

Полно фактических материалов
На эту тему. (С вами в прошлой лекции
Мы всё это подробно разбирали).

Сейчас же, я хочу поговорить,
Как раз, о предстоящем совершенстве.
Мгновенно развивается наш вид,-
Двадцатый век, в науке, полон блеска!
Скачок огромный, словно взрыв большой,
Произошёл в сознании человека;
Но единицы светлую тропой
Идут, а остальные меркнут,
На стадии конкретных операций
Всю жизнь свою, как дети, оставаясь.
(Но, всё же, эволюция мутаций,
Уверен я, и с ними вскоре справится).
И всё сильнее в новых поколениях
Станут индивиды выделяться
Незаурядностью и качеством мышления.
Тенденция такая наблюдается
Не так давно; их, в черед веков,
Пожалуй, сотен пять насобирается
Таких великолепнейших умов.
Количество мутаций скоро в качество
Должно неотвратимо перейти;
И удивляет то, что по пути

Сначала мы ползли, потом шагали,
Ну а сейчас – стремительно летим!
Зенит сознания не за горами!
(Конечно, если мы не истребим
Все достижения своими же руками).

Старинный обычай

Снова чистый лист бумаги
На столе моём скучает,
И перо лежит с ним рядом;
Я не знаю, что писать мне?
Чего бы рифмой рассказать
Такого, что никто не слышал?
В стихах природу воспевать
Не модно; надоели вирши
Лирические, нет в них толку.
Моря, леса, поля и реки
Давно приелись; очень много
Куплетов посвятили этим
Явлениям прежние поэты.
Не буду я писать про это.
Героическую тему
Тоже сразу отметаю;
Сколько можно? В самом деле!
Без конца её, веками
Все пииты повторяют
На различных языках;
Сей поток неиссякаем.
Хоть и правильно сказал
Нам питомец Муз о том,

Что лишь слово мудреца
Все века переживёт,
А рядом с ним, (ему под стать),
Подвиг храбреца бессмертный.
Всё это, конечно, верно;
Но надо новое писать!
Что же? Про любовь, наверное?
Ох, от этого тетрадь
Зарыдает; тема скверная. -
Он начал её целовать,
Она в его объятия пала,
Содрав с себя, как покрывало,
Платье. Усталая кровать
Их до утра, скрипя, качала.
Потом она подозревать
Стала, что он изменяет.
И пошло, пошло; сказать
Можно сразу, что в финале
Будет. И как это читать
Могут? Я не понимаю...
Придумал! Надо сочетать
Эти темы, и поэма
Выйдет у меня на пять!
Так, пора бы ближе к делу;
Начну уже повествовать.

Где-то в Альпийских горах
Есть небольшая деревня,
И в ней проживает около ста
Человек. Красота несравненная
Жилища крестьян окружает. -
На склонах отлогих луга, все в цветах;
Высокие пики, в снегах, величавы,
Над ними орлы пролетают в ветрах
И клёкотом громким простор оглашают.
Воздух так чист, что им сладко дышать,
Он, словно нектар, услаждает дыханье,
И кажется, будто бы в нём благодать
С небес снизошла неземная.
Весною по скалам бегут водопады,
Они белогривы, быстры, словно кони;
Далеко раздаётся их топот о камни
Стремительный и свободный.
Солнце лучистое на небосклоне
Смеётся, играет своими лучами;
Зимой и весною оно здесь большое,
Ярко горит над горами.
И живут посреди этой дивной красоты
Усердные фермеры в малой деревне.
Коров и овец разводят они;
А кроме того ремеслом, земледелием
Достаток себе добывают.

Всего им для жизни хватает.
Да только вот свадьбы редко играют
Они, потому что повсюду родня.
(В других деревнях приходилось искать им
Супругов своим дочерям,
А сыновьям – верных жён.
И никто из них не был знаком
До свадьбы с своей половинкой;
Родители делали выбор).

И вот в семействе одном дочь созрела,
Но замуж идти не хотела
Она, не зная в глаза кавалера.
Всё время строптивая дева
Отцу своему возражала:
"Хотите, чтоб я вам телят нарожала,
Словно корова! Ваш суженый
Вовсе не нужен мне! Может ли
Неведомо кто стать вдруг мужем?!"
– Но мы же с матерью прожили;
И тебя воспитали. А до свадьбы не знали
Друг друга. Какая ты сложная.
Нашли тебе парня, и Бог сочетает
Вас браком; на то непреложная
Воля Господня. "А вы его ангелы!
Нет, не пойду! Не заставите!"

– Да что ты, как девочка малая!
Отцу прекословишь?! Ух, наглая!
А всё оттого, что романы читала!
Вот так вот проклятая грамота
На тебя, егозу, повлияла!
(Из кухни маманя на дочь закричала).
Свадьба назначена на послезавтра;
Готовься. Я всё сказала.

Всю ночь напролёт, очей не смыкая,
Рыдала девица в каморке своей.
А утром она потихоньку сбежала
Из дома. Вдали от людей,
Среди первозданной природы,
Дышать она стала свободно.
Любуясь прекрасным восходом,
Шла по знакомой тропе
Туда, где высокие горы
Сходятся с небосводом;
На их склонах леса-буреломы,
А на пиках блестит белый снег.
Знала девица, что этой дорогой
В город она доберётся. Но долог
Был её путь; притомилась она,
И решила в пещере заночевать.
Нашла подходящее место, и там

Костёр небольшой из сучков разожгла,-
Яркое пламя вертеп озарило,
И дева узрела, что всюду лежат
Тюки из соломы, девять их было;
(На них много раз здесь успели поспать).
Стол там стоял, рядом с ним девять стульев;
И повсюду мешки, в них одёжа была.
"Кто же в сём логове тёмном ночует?
Пастухи никогда не заходят сюда,
В густые леса... Да и к чему мне
Знать, кто здесь спал? Отдохну до утра,
И в город пойду." – Так дева подумала,
И спать улеглась на измятых тюках.

Позднею ночью в тёмной пещере
Злой хохот раздался, и пьяная брань:
"Вы посмотрите, кто спит на постели!
А ну-ка, красавица, с ложа привстать!
– Зачем ей вставать? Всё равно мы уложим
Её на перину, опять и опять!
Ха-ха! Поглядите, какая пригожая!
Подарочек божий, едрить твою мать!
– Постойте. Сначала я с ней потолкую.
Откуда взялась она тут? Непонятно.
Что-то недоброе нюхом я чую;
Вышли на нас! (Так главарь этой банды

Сказал сотоварищам верным своим).

– Давай-ка, девица, скорей говори,

Кто тебя к нам подослал?

Как ты дорогу нашла?

И девушка честно им всё рассказала

О том, как её против воли хотят

Замуж отдать; а она убежала.

"Уж лучше голодной в лесу умирать,

Чем беды терпеть от мужа-нахала!

Вдруг рыжий какой-нибудь, или кривой?

А может быть толстый, как бочка пивная?

И как они могут моею судьбой

Распоряжаться?! Я горько рыдала,

А им всё равно! Я, как будто бы скот;

Хотят, чтоб телят от быка нарожала!

Для них лишь доход, да звериный приплод

Важен; а я далеко не такая!"

(Разбойники громко захохотали).

– Ах, девка-бунтарка! Какой она ход

Придумала! Что, надоели крестьяне?

Слушай меня. Каждый замуж возьмёт

Тебя вот сейчас; или мужем я стану

Твоим, но один. Выбирай же исход.

Даю пять минут тебе; время идёт.

(И золотое кольцо обручальное,

Главарь, улыбаясь, девице вручает;
А та от испуга в обморок падает).
Вот так разыграли весёлые пранкеры
Бедную деву. А мать и отец
Рядом у входа в пещеру стояли;
Строптивую дочку свою под венец
Они наконец-то отдали.

Много веков прошло с той поры,
Но до сих пор живы пранки в народе.
Жестокие шутки бессмертны, они
Всегда будут в нашей природе.

В густом бору

"В густом бору живёт колдун,
Он знает тайны древних рун;
Силу трав, язык зверей
Постиг премудростью своей
Сей чародей. Иди к нему
По этой узенькой дорожке;
Дом его найти не сложно.
По вопросу твоему
Ничего сказать я больше
Не могу. Здесь, в Лукоморье,
Только он помочь способен
Козлёнку заколдованному." -
Молвил чёрный кот учёный
Алёнушке; и по цепи
Снова начал он ходить
Взад-вперёд, туда-обратно.
"Следующего пригласить!" -
Кот учёный громко мяфкнул.

– Я дракон, но с тремя головами;
Нет покоя мне ночью и днём,-
Эти двое всегда разговаривают
Шепотком за спиной, о своём.

Я их говор проклятый не знаю!
Из Китая две эти башки!
Мудрый кот, на тебя уповаю;
Как недуг исцелить? Подскажи!

"Мр-р-да; и это с самого утра
Такое. Что же дальше будет?"
(Вполголоса кот промурчал).

"Горыныч, ты ступай отсюда
Прямо, прямо по дорожке,
Она до дома колдуна
Ведёт; вот он тебе поможет."
– Спасибо, кот! Дай бог добра
Тебе! Помог в несчастьи.

Знал бы ты, как жизнь ужасна
У меня! Две головы
Днём и ночью по-китайски...

"Тебя кудесник исцелит.
Иди, Горыныч; за тобою
Очередь километровая."

"Следующего зовите!"
– Вы меня, ква-ква, простите
За то, что отвлекаю вас.
Я прекрасная царевна;
Но мой профиль и анфас

Лягушачьим стал мгновенно!
Нет, не я стою сейчас
Перед вами; это тело
Не моё! ("Не в бровь, а в глаз
Бьёт вдова дебелая." -
Кот в сторонку тихо фыркнул).
– Ко мне уже пришла посылка
От царевича, а я, ква-ква,
Была не в силах отыскать
Её, – стрела там длинная,
А на ней кольцо венчальное.
"Вам зеркало нужно дивное,
И оно вам лишь похвальное
Слово будет говорить,
И вы вернёте прежний вид.
В тридевятое направлю
Вас на консультацию.
Свет-зеркальце янтарное
С проблемой вашей справится."

Потом на приём прикатил колобок,
И долго коту о своих приключениях
Рассказывал, и покусанный бок
Показывал. "Вам не нужно лечение.
А вот адвоката найду я для вас.
Столько афер проверить вы сумели,

И уцелели! Всевышний вас спас!
Мур-мяу, я, право, в недоумении..."

Вслед за колобком зашла
Рыба золотая,
И плавниками обняла
Кота, и три желанья
Исполнила; он был доволен.

А впоследствии уволен
Был несчастный психиатр.
Нет, он вовсе не был болен;
В кофе ему санитар
Добавил "марку" ЛСД-э,
(Зуб он на врача имел).

Творческая мысль

Явись ко мне, мысль,
Помоги стих создать.
Скорей шевелись;
Пустая тетрадь
Устала тебя ожидать!
Недостижимую высь
Смогу я с тобою достать!
Ты здесь? Соберись;
Начинаем писать.
Как же начать?..

– Пиши про минувшее время.
О жизни иных поколений
Повествуй. Подходит идея?
Давай, начинай же; смелее.

Это было в двадцатые годы
Двадцатого века, в Москве.
На бульваре полно пешеходов.
Жара на дворе, летний день.

"Как-то не так я слагаю..."

– Почему? Ты глаголы считаешь,
И их у тебя очень мало.

Многие так сочиняют.

"Ты смеёшься надо мной?!"

Этих правил я не знаю.

Я пишу одной строкой,

Разом, а не вымеряю

По линейке каждый слог!

Суффикс там, глагол, предлог...

И поэты их считают??"

– И размеры подбирают,

Любят симметричность строк.

Сидят они с черновиками.

"Нет, я точно бы не смог

Из себя выдавливать.

Мне вдохновение сам Бог

Послал; к чертям их правила!"

– Зачем же ты меня позвал?

"Чтоб ты меня направила

К сюжету. Слог и сам

На славу наслагаю я.

Давай быстрее к делу, мысль!

Неси меня в двадцатые!"

– Ну тогда, рифмач, держись;

Летим мы в дом писателя,

(Учреждение такое

Было там, в Москве).

С поэтами я познакомлю

Тебя; узнаешь всех
Тружеников от искусства.
Им рифмы тяжело даются.

Через время и пространство
Мысленно рифмач помчался,
И мгновенно оказался
На бульваре среди толпы.
(Народ в дом Музы направлялся).
Музыка вокруг звучит,
Ярко флаги развиваются;
Праздничный повсюду вид.

И вот уже подходят к дому
Писательскому. На балконе
Высокий человек стоит,
И заунывно, монотонно
Рифмы в рупор он твердит:
"Непонятно зачем, непонятно на кой
Сочиняю стихи я ночью порой.
Я Гаврила из старого доброго фильма;
Мне неведомо счастье, неведом покой,
Ведь поэзия силой меня захватила
За шею свою петлёю-строкой!"

Он закончил; а следом выходит другой

Высокий поэт, (выше прежнего вдвое).
Он громадный! И вид у него очень злой.
И начинает кричать он сурово:
"Двухметровыми шагами
Иди, товарищ, к коммунизму!
Не прогадаешь! Ленин с нами!
Всем буржуйам вставим клизму,
Прочистим организм от шлаков!
Кулачищем дружно вдарим
По изнеженным собакам!
На баррикады, пролетарий!"

За ним появляется важная дама,
И стих начинает читать она томно;
(Сия поэтесса всегда забывала
Текст свой, но тонкий блокнотик
В этой беде помогал ей).
И вот изрекает она, с придыханьем:
"Декольте, бокал вина.
Запах розы в пышном зале.
Вы ни слова не сказали
Мне, и я от Вас ушла...
Почему не угадали
Мысли мои? Негодяй!
Душа моя полна печали;
Ад настал, разрушен рай!"

Запах розы в пышном зале,
И вино в моём бокале."

Аплодисменты прозвучали,
После выступлений этих.
И вдруг парнишка выбегает
Из толпы, и тростью метко
Бьёт в переносицу поэта
Высокого. "Ты чёрный, чёрный
Человек! С того ты света!
Иди же поскорее к чёрту!" -
Так кричал тот тип, при этом.
А потом он спел куплеты
Пьяным голосом, да так,
Что толпа пошла плясать.
И стихи он зачитал
Лучше тех других; попал
Смыслом, слогом всем в сердца.

– А знаешь, сколько тем поэтам
Дали времени на рифмы?
"Пол часа уйдёт на это;
Слова в их строках совместил бы
Я за миг." – Не угадал ты;
Две недели сочиняли,
И тому, что вышло, рады

Были, ликовали.

"Ох, люблю тебя я, мысль!

Настроенье подняла мне!

Я стихи слагаю быстро;

Всё ж, талантом обладаю.

– Да, но ты не возгордись,

Понапрасну не теряй его.

Прилежнее пиши, трудись,

И, может быть, заслужишь славу

Творческую; ввысь стремись!

Мысль сказала, и пропала.

А рифмач, собой довольный,

Дописал свой стих задорный.

Таракан Гарри

С толстой кипы старых книг
Пыль я кисточкой сметал.
А рыжий жирный таракан
Со стены за мной следил.
"Брось ты их!" – Он мне сказал.
"Там кругом моря чернил,
Плыть по ним не хватит сил;
Путь к далёким берегам
Мудрости весьма тернист.
Но знаю я один роман,
Который сразу же тебя
Вмиг поднимет ввысь! -
"Гарри Поттера" читай,
И он поможет миллиард
Чистой прибыли собрать.
Даром время не теряй
На скучные витийства мудрых;
Все они в пыли, под спудом.
Только Гарри Поттер чудный
Ум твой скудный просветит,
Знаниями обогатит;
И, конечно же, деньгами
Кошелёк твой наградит.

Гарри даже таракана
Изъясняться научил
Человечьими словами.
А тебе писать стихи
Он поможет. Знаю, странно
Это от меня звучит;
Но поверь мне, нет обмана
В наставлениях моих."

Я поверил таракану,-
"Гарри Поттера" до дыр
Зачитал; и, как ни странно,
Он меня обогатил,
(Но не миллиардом бабок),
А каким-то волшебством.
Я не Пушкин и не Байрон,
(Мне до них так далеко,
Что и сравнивать не стану;
У меня хромает слог).
Но зато, с необычайной
Силой, в строках моих что-то
Постоянно превращает
Птиц в людей, людей в животных;
Колдовство одолевает
В стихотворных зарисовках
Всех моих героев. Знаю,

Что проклятый Гарри Поттер
В ипостаси таракана
Все стихи заколдовал мне!

Творческий путь

Меня Поэзия звала
В прекрасный край стихов:
"Там звонкою рекой слова
Текут среди лугов,
И орошают дивный сад
Созвучных рифм-цветов.
Там фразы, словно виноград,
Забористый в них слог,-
Дурманят, радуют, пьянят,
И валят навзничь с ног.
Испив вина из рифм, ты вмиг
Забудешь о заботах.
Скорей в страну стихов иди,
Если жить охота!"

Она права, ещё чуть-чуть,
И околею я.
Нельзя мне воздуха вдохнуть
В пустыне бытия.
Палит неумолимый зной,
Вокруг песок; тоска...
Умру, и не придут за мной;
Не смогут отыскать

Тело средь барханов прозы.
Романистом стать придётся.

Рассказ егеря

Медленно снежные хлопья на землю
Падают, кружатся в воздухе плавно;
Чуть потеплело, утих резкий ветер.
Мне в лес за дровами отправиться надо.
Давно у порога меня ожидает
Мой верный Дружок – карельская лайка;
Он скачет, скулит, и взволнованно лает:
"Хозяин, устал я, быстрее давай-ка!"
Друг друга без слов мы с Дружком понимаем,
Шестой год одни среди тайги мы живём;
Диких животных от пуль охраняем.
Я егеря; а лес, это мой крепкий дом.
Есть снегоход у меня быстроходный,
На нём и поеду сейчас, а Дружок
Следом за мною помчит по сугробам;
И путь у нас будет довольно далёк,
(Лес не везде нам рубить разрешают).

И вот еду я, а собака за мной
Мчится стрелой, – снегоход догоняет.
Минут через сорок, знакомой тропой
Добрались до места. Топор свой достал я
И к старой высокой сосне подошёл;

А ружьё на сиденьи "Бурана" оставил.
Рублю я сосну, подточил её ствол,-
Дерево стало медленно падать,
И в этот миг тигр выскочил вдруг,
И сбил меня с ног мощной лапой.
Я замер... Сковал моё тело испуг;
Смотрю на свирепого зверя глазами
Застывшими. А Дружок – верный друг
Вцепился в тигриную шкуру клыками;
С волчьим отчаяньем, пару минут
Терзал он когтистого великана.
И я в это время стремглав до "Бурана"
Успел добежать; взял ружьё, и палю
В громадного тигра, (наверное, раны
Нанёс я ему, или просто спугнул),-
Зверь полосатый большими скачками
Умчался куда-то, скрылся в лесу.

Всё стихло вокруг; лишь Дружок мой скулит
Жалобно: "Я умираю, хозяин...
Мне страшно, мне больно, но я бодрый вид
Ещё сохраняю; смотри, как виляю
Хвостом на прощанье. Прости, я убит..."
Стою возле друга, и крепко сжимаю
Свои кулаки. "Догоню! Отомщу!
Поймаю тирана! На быстром "Буране"

Тигра проклятого я разыщу!"

И вскоре нашёл я по следу кровавому

Подранка громадного, и застрелил,-

К праотцам саблезубым отправил,

За друга ему отомстил.

И теперь браконьер я, не егерь.

Следак в мой рассказ не поверил.

Зима

Зимнее солнце не греет лучами,
Трескучий мороз на дворе.
Снежинки-кристаллы искрятся, сверкают,
Глаза мне слепит яркий свет.
Снегами-коврами покрыты просторы;
Приятно на тройке коней
Лететь по ним быстрой лихою стрелой,
Под звон бубенцов, в ясный день!
В белых мехах Зима величава,
Красивая шуба на ней,-
Снежная пава смеётся лукаво:
"Гони ты, ямщик, поскорей
К избе по глубоким сугробам-ухабам!
К вечеру станет темней,
Поднимется ветер; где лево, где право
Ты не разберёшь, – всё метель
Окутает белым сплошным покрывалом."

И правду сказала Зима; ветер-зверь
Надрывно завыл, тучи снега поднял он.
Один я в степи, нет вблизи деревень;
Куда не взгляни, – белый саван.

В ночь превратилась вечерняя мгла.
Холодно. Волки поблизости воют.
Ко мне подбирается злая Зима,
Зовёт в ледяные покои;
Я в них буду жить до прихода тепла,
Весной моё тело отроют.

Сага про пса

В сонном городе темнота,
Не горят на столбах фонари.
Тишина вокруг, люди спят
В лабиринтах бетонных квартир.
А где-то там поезда гудят,
Утром ранним слышны они,-
Долгим эхом доносит сюда
Вольный ветер свистки, гудки.
Далеко по пустынным кварталам
Раздаётся таинственный гул;
Он как будто живой, и устало
Шепчет мне: "Не уснул, не уснул."
И, действительно, я не спал;
Старый двор от воров охранял.
А сейчас по бульварам гуляю,
Мой хозяин меня отвязал
От цепи. Что-то я ощущаю...
Город, словно выметен снегом,
Пусто в нём; белоснежный ковёр
Широко устилает проспекты,
А на нём никого, нет следов,
За ночь всё замело. Но я чую,
(Нет, не носом, – звериным чутьём),

Что вновь чёрный пришёл в чей-то дом,
Он всегда души смертных ворует;
Вечно бодрствует, ночью и днём.
Мудрый ворон с ним рядом летает,
И сейчас он картавит, зовёт
На одр меня, – человек умирает;
Завывать, а не лаять я принуждён.
(Так давно повелось, испокон,-
Все мы близкую смерть ощущаем,
И людей в мир теней провожаем;
Долгим воем надрывно, печально
Погребальную песнь им поём).

И вот совершил я обряд,
Стою в подворотне уныло.
В сторожку бы надо назад
Вернуться мне. Эх, паршива
Собачья жизнь! День-деньской
Сидишь на цепи, охраняешь.
Хозяин не гладит рукой,
А пинает ногой. Проклинаешь
Прохожих залиvistым лаем,
И за это потом получаешь
Кость да кашу. Доля такая,-
Верность прежде всего у собак,
Не поспоришь ты с этим никак.

Но, историю я вспоминаю;
Бабка мне рассказала её,
Когда мы на селе проживали.
Я в ту пору был малым щенком.
И сейчас стану выть я ветрам
Быль старинную, сагу про пса;
(Только им мой звериный рассказ
Ясно слышен). Начну завывать.

Посреди лесов густых
Был посёлок; жили там
Староверы, и у них
Всегда добра по закромам
Хватало; труд тяжёлый
Приносил достаток им,-
Избы выстроены вровень
С кронами высоких ив
Были. Норов строгий
Добрым людям помогал
Жить достойно; близко к Богу
Каждый из них пребывал.
Но в одной избе жестокий
Человек с семьёю жил;
Чад своих нещадно сёк он,
И жену всё время бил.
А больше всех возненавидел

Он верного цепного пса,
Пинал его, когда увидит,
И днями без еды держал.
Ох, тоска у пса была:
"За что? Ведь я же всё готов
Исполнять. Не делал зла
Никогда ему, а он...
Сколько раз я гнал волков
От избы, – спасал их скот,
И за это вновь и вновь
В благодарность, лишь сапог
Прилетает в бок. Как больно...
У-у-у! Устал я жить на свете!
Эх, собачья злая доля;
Счастья не было и нету!"

С каждым годом только хуже
Обращался с псом хозяин.
И вот уже во псе разбужен
Гнев, – рычит и дико лает
Он на всех, кого увидит.
Люто стал он ненавидеть
Всё живое; страшно злоба
Изнутри испепелила
Разъярённое животное.
Разорвать он в клочья хочет

Всех, кто на двух лапах ходит.
Гнев ужасный днём и ночью
Из души у пса исходит,-
В нём он почерпает силы.
И вот тогда от пса решили
Избавиться; скорей на волю
Выгнали, с цепи спустили.

Ночь была, когда собакин
Покидал свою деревню.
Медленно он шёл к оврагу,
Думал он, что там подремлет.
Звуки в темноте ночной
Сильней слышны: ухают совы;
Где-то лист шуршит сухой
На ветру, – слетает с кроны.
Ветви старые скрипят
На дубах, берёзах, клёнах.
И сучки порой трещат
Сломленные, – кто-то ходит...
А где-то в отдалении воют
Волки леденящим хором.
(Надобно мне вам сказать,
Что для нас, собак, волк – враг;
С ним, разбойником суровым,
Биться мы всегда готовы.

Сотни яростных атак
Совершают эти звери
На деревни; сеют страх
В тех, кто хрюкает и блеет.
И людей порой они
Тоже стаей убивали,-
Острые свои клыки
В глотки им вонзали.
Когда слышали мы вой
Их тоскливый, то в ответ
Лаять начинали сворой;
Выть у нас привычки нет).
А сейчас собакин взвыл
От тоски и лютой злобы.
Столько он заполучил
Тумаков от тех двуногих,
Которых он так полюбил
С детства раннего, щенком.
Эх, и как хватало сил
Выносить всё это зло?..

Страшно выл несчастный пёс
На луну, на лес, на жизнь.
Ждал он, чтобы чёрт принёс
Волков; тогда держись!
Храбро ринется он в битву,

Быть ему убитым.

Трое огромных волков
Направились в тёмный овраг,
Чтоб посмотреть, кто таков?
Кто воет? Друг, или враг?
Это был малый отряд,
А сзади осталась вся стая,-
В кустах они будут стоять,
Вестей от друзей ожидая.
И вот смотрят волки на пса,
А тот продолжает петь песню,
И в ней просит он небеса
Забрать его дух в поднебесье.
Тоскливо и страшно звучала
Мелодия скорби и гнева.
И вдруг стал другой запевала
Псу подпевать; справа, слева
Завыли в лесу волки серые...

Сплочённая стая идёт вновь в набег,
К жилищам двуногих ведёт их злой пёс.
Он знает, где ставят коней на ночлег,
Где держат свиней; чутко чувствует нос
Знакомые запахи. Помнит собакин
Все двери, заборы и ставни.

(Ум есть в собаке, такой, что с волками
В сравненье никто не поставит).
Подкрались к амбару; потом ближе к хлеву,
И подкоп под него подкопали.
Забрались оравой туда, и за дело! -
Трёх жирных козлят растерзали;
А за ними корову с телёнком.
Устроили праздник кровавый,
Насытили плотно утробы;
И в лес поскорее умчались, петляя.

Легко добывала добычу та стая,
Три месяца в страхе деревня была;
Такого крестьяне ещё не видали,
Так часто их скот воровать никогда
Свирепые волки не умудрялись.
"Нечистая сила сюда замешалась,
Прогневали Бога мы; это не звери..." -
Такие слова иногда раздавались
Среди населения староверов.
Всем миром решили, чтоб в ночь оставались
На карауле с ружьями люди,
Но даже при этом волкам удавалось
В хлевах и курятниках набедокурить.
Звери лесные людей не боялись.

Три месяца шла эта волчья война;
Налёты зверей, не смотря на потери,
Не прекращались. А когда старика
Загрызли они, (главу той деревни),
То люди решили уехать оттуда:
"Проклятое место! Здесь только худо
Будет преследовать нас; нет добра.
Спустил сатана с цепи силы зла!"

Вот что покойница-бабушка мне
Поведала, когда я был малым щенком.
А сейчас я ветрам эту сагу пропел,
Провыл... Знаю я, лес – мой дом.

Четыре всадника

"В мир примчались на конях
Всадники из тёмной бездны,
И стали сеять смерть и страх,
Глады, войны и болезни.
Землетрясения, наводнения,
Ураганы и пожары,
И кровавые сраженья
До сих пор не утихают.
Что прикажете нам делать?!" -
Обратился к Иоанну
Злой архангел Михаил,
(Он был очень раздосадован).
"Вы те беды предрекли,
А расхлёбывать их нам!"
– Тише, тише, господи!
Не будем наше совещанье
Превращать в бедлам.
Давайте при себе оставим
Амбиции. Апостол Павел,
Выскажите ваше мнение.
"Надо строить больше храмов.
Всё земное население
Мы покрестим, – христианам

Не страшны болезни, тленье,
Голод, войны и цунами."

– Вы послушайте, что мелет
Этот Савл! В мире зверь,
А он строительство церквей
Предлагает! Ты ослеп
На своём пути в Дамаск!
До сих пор ты не прозрел,
На очах твоих повязка!

– Тише вы, отец Матфей.
Призываю всех к порядку!
О, господи, опять мигрень
Началась. Как ноет гадко...
Объявляю перерыв.

Михаил и Гавриил,
Собирайтесь; мы летим
К Господу. Пора доклад
Вседержителю представить;
Скоро здесь настанет ад,
А он, наверно, и не знает.

И отправились архангелы
Всей компанией прям в рай;
А по дороге рассуждали они:
"Скажите мне, зачем Иран
Так рьяно свою канцелярию

Захламляет кадрами?"

– Ага, у них в Месопотамии

Правят бюрократы.

Ко мне недавно заходили

Азраил и Микаил;

Про Джибраила говорили

Мне они, (он их просил

Брата своего пристроить

К ним в управу). Там у них

Кумовьёв да братьев много.

"Прямо как у нас – святых,

Хе-хе! Везде сейчас такое."

– На Земле настанет горе,

А вы чиновников своих!..

– Господа, лететь спокойно

Вы не можете? Ваш крик

Голову мне разрывает!

Ух, мигрень проклятая...

А в это время хитрый дьявол

Разрушал подлунный мир,-

Огнём войны его сжигал он,

И катаклизмами топил.

Бесчинство зверя в запустенье

Превратило вскоре Землю;

Одни руины в городах,

Ушло оттуда население.
Люди прячутся в лесах,
И преклоняются пред зверем.
У каждого на лбу печать,
Символ рабства – три шестёрки;
Ни покупать, ни продавать
Рабы, без цифр, не способны.
За каждую живой душой
Дьявол наблюдает зорко;
Он всех ведёт одной тропой
К гибели. Полынью горькой
Реки и моря наполнил
Зверь жестокий. Люди мрут,
Но не вспоминают Бога;
Мутную водичку пьют,
И за неё ещё налоги
Платят дьяволу в казну.
В общем, все идут ко дну.
А нечистый веселится,-
Любит провести досуг
С вавилонскою блудницей.
Всё мерзавцу сходит с рук!
Сколько это будет длиться?!
Где архангел Михаил?
Надо бы поторопиться;
Миша, погибает мир!

Михаил и Гавриил,
Рафаил и Уриил,
Селафиил, Варахиил
Ждали Иегудиила,-
(Он у Господа гостил
В кабинете). Проходили
В коридоре толпы знатных:
Лот, Иосиф и Мария,
Лазарь, Соломон, Иаков,
И многие другие сильные
Духом, – ангелы, святые.
Всюду очереди длинные
К кабинетам, там большие
Силы, власти и престолы*,
Серафимы, херувимы...
(Очень кадров было много;
У мусульман ещё терпимо,
По сравнению вот с этим).
В общем, ждали до обеда.
Наконец-то получили
Подпись от Всевышнего,-
Разрешил он, с полной силой,
Зверя бить под дышло.

И настала брань кровавая;

Дракон и демоны его
Бились против светлых ангелов.
И, и конечно же, добро
Одержало верх над злом.
Полный был в аду разгром,
А в раю парад победы;
Кончились земные беды.

С высокой горы на сраженье смотрели
Четверо всадников: первый из них
На белом коне, он лучник умелый,-
Стрелами метко стреляет в больных.

Второй верховой – на рыжем коне,
Он держит в руке своей меч исполинский,
И сеет раздор, подстрекает к войне;
К кровавым, жестоким делам он стремится.

А третий ездок – на коне вороном;
Меру он держит в костлявых руках,
И ей отмеряет ячмень и пшено
Так, что тела превращаются в прах.

Четвёртый наездник – на бледном коне;
Дана ему власть умерщвлять всё живое.
Он всех на Земле избавляет от бед;

Зовут его – смерть, он велик, непреклонен.

И бледный сей воин соратникам молвил:

"Здесь нет ничего, только мы в этом мире.

В свободном просторе нет тела и крови;

Мы общим усилием плоть победили.

Смотрите, как солнце ввергается в море,

Оно власяницею мрачною стало;

Луна же, – багрова, кровава, сурова,

Помнит она, как война громыхала.

Ветра принесли с четырёх сторон света

Прах всей Земли; нету больше живых.

С новым рассветом, другая планета

Души их встретит, – воскреснут они."

Силы, власти и престолы – ангельские чины; (
всего их восемь)

Ветер и стрела его

В небе солнечный огонь
Воспылал; горит заря!
Резвый белогривый конь
Вновь осёдлан, ждёт меня.

По степи стрелой летим,
Много нас, нам нет числа.
Мы врагов испепелим,
Превратим дома их в прах.
С четырёх сторон земли
Нападём на них мы вмиг;
Слышишь, как земля стучит
Тысячью копыт!

Ветер и стрела его
Выше этих облаков,
Принесли они к нам в дом
Дыхание богов.
Вечен будет наш поход,-
Мы уйдём, а вслед за нами
Род потомков в бой пойдёт
С новыми клинками.
Сотни, тысячи веков

Будет плакать твердь земная,
Ветер и стрела его
Ей наносят раны.

Армагеддон

Тёмные всадники мчатся по полю;
На копьях у них пять голов,
Они их срубили с врагов,
И возят повсюду с собою.
Чёрные вороны, с граем картавым,
Следом за ними летят,
Зловонные клочья плоти кровавой
Несут они в острых когтях.
Мрачная свита спешит в старый храм
К своим властелинам жестоким;
Нечистая сила молебн служит там
Дьяволу и лжепророкам.
Враны и всадники в жутких трофеях
Несут подношение зверю. -
В пяти головах: злоба и страх,
Безумие, похоть, тоска.
А в клочьях кровавых – слова;
(На всех мировых языках
Воронам пели ветра
О мудрости ввергнутой в прах.
Вороны падаль склевали,
И мудрость теперь пребывать
Стала в ошмётках кровавых).

В храме старинном свершился обряд.
На пентаграмме дары,-
Мёртвые головы сложены в ряд,
Рядом с ошмётками тли.

В гневе, и в страшной тревоге,
На всех языках завопили народы:
"Да что же такое у нас происходит?!"
Голод, болезни, разруха и войны
Свалились на нас, как лавина!
Нам надо быстрее плодиться,
Иначе все мы погибнем!
Скорее, скорей! Торопиться
Надо!" И все впали в похоть.
Потом наступила тоска;
Жителям сделалось плохо,-
Забиты места в роддомах.

А дьявол и верные слуги его
Безумно над тем хохотали:
"Люди, ужасная кара вас ждёт!
Вы будете жить, как в Китае,
С индийским бюджетом в карманах!
Армагеддон в ваших странах
Настанет! Прощайте, земляне."

Но добрые светлые всадники
Примчались на помощь к землянам,
С боеголовками ядерными,
И всех их от кары избавили.

Катрены

В год кровавого дракона
Эту летопись пишу я.
Духи дали мне дар слова;
Я стихами повествую
О царях и царствах мира,
О народах многоликих,
Что, без устали, воюют;
О воскресших и убитых.
Обо всём я зарифмую.
В звонких строках скрытый символ,
И его не расшифруют.

Дряхлый старец прах развеял
На Капитолийский холм.
Руки воздевая к небу,
Крикнул он: "Да грянет гром!
Почве нужен белый пепел;
Пусть же небеса дождём
Обольют сухую землю!
Удобренье в чернозём
Перейдёт; и там, я верю,
Урожай мы соберём
Восхитительный! Соседей

Пригласим потом за стол.

Лысый немец в это время
Молот Тора приподнял,
Но ударить не посмел им,
Потому что точно знал,-
В чернозёме редьку с хреном
Соберут на урожай;
В грязь залезут по колено,
А уйдут ни с чем, как встарь.

И французик миловидный
Тоже помнил про "Бистро",
От закуски русской сильно
Галлов в прошлом пронесло.
Аппетит неукротимый
Им отбили; и сейчас
Могут они только мину
Корчить, профиль и анфас
Грозными изображая.
Не собрать им урожая.

Старец бойкий, взгляд-двустволку
Недругам в глаза направил,
И сказал им: «Чернозём мы
Не дадим! Уйдите с грядки!

Мы пахали здесь веками,
И орало наше – меч,
Им мы головы срубали
С ваших басурманских плеч!
Нам Микула завещал
Землю-Мать оберегать.
Прочь уйдите, я сказал!
Не бесите нашу рать!»

На востоке все пророки
У высоких стен рыдали;
Чуяли они, что вскоре
Снова ад земной настанет.
В страшном пекле всё живое
Загорится, словно хворост.
Реки крови быстро в море
Превратятся. Каждый голос
Диким криком прозвучит.
Плач и стоны не умолкнут
До тех пор, пока наш вид
Не уйдёт с лица Земного.

Мировой пожар

Полыхай, пожар мировой!
Много дров под тобою народных;
Начинай с их голов, верховой,
А потом перейди на утробы!
Чёрным дымом покрой белый свет,
Пропитай смрадной гарью весь воздух;
Мрачный хаос на грешной земле,
Как и прежде, будет господствовать.
Весь в огне стадный зверь-человек,
Сатане он возносит молитвы;
Много жертв на костре в каждый век
Он приносит ему. Жаждой битвы
Одержим сей двуногий злодей,
Семя гнева повсюду он сеет;
Нет и не было в душах людей
Света разума, – все они звери.
Так сожги же их всех поскорей,
Беспощадный пожар мировой!
Дай свободу несчастной Земле,
Исцели её плоть пустотой.

ОГНИВО

Опять пустота в голове...
Что делать? Я же поэт,
Мне нужен какой-то сюжет
Для рифмы моей быстрокрылой,
Но нету его; меркнет свет
В уме моём; тьма укрыла
Своим покрывалом меня.
Не знаю я, что сочинять.
Огниво мне необходимо
Достать, чтобы ум озарило,
Чтоб светлые рифмы в тетрадь
Пролились лучами обильно.
Отправлюсь скорее на рынок
Огниво для рифм покупать.

Полно на базаре товаров:
Есть тусклые свечи для пьес,
И лампы для толстых романов,
И спички, (они здесь на вес
Продаются, для очерков скучных).
И фонари – для научных
Объёмистых точных работ.
Но нету того, что зажжёт

В душе ясный свет вдохновенья,-
Лучины, для белых верлибров,
Огнива – для стихотворений;
Давно уже их раскупили,
Все эти товары у древних
Поэтов в карманах осели.

Пошёл я сначала к Гомеру,
Но он мне высокую цену
Назвал, и её не сбавлял.
(Жадность у древнего грека
Такая, что я и не стал
С ним торговаться; горелку
Премудрую он не продал).
Потом у Торквато Тассо
Пытался купить я огонь,
Чтобы поджечь им стог слов,
Который в душе моей преет.
Но, всё ж, без огня моё сено
Осталось; ни с чем я ушёл.
А Чосер, Петрарка и Данте
Мне подсказали: ты, мол,
Садись поскорее за стол
И жги все свои фолианты.
И лишь Саади с Навои
Меня наконец поддержали,

И искорку дали они,
Чтоб я превратил её в пламя.

И стало в тетради светло,
Пылает огонь вдохновенья,
Тепло мне от пламенных строк.
Я искры созвучные сею
Ударом кремня о кресало;
Огниво своё отыскал я.

Осада Самарканда

Слышал я как-то раз от стариков
Рассказ про самаркандских колдунов;
Мол, в городе их тут полным-полно,
Они заколдовали даже плов
С лепёшками на рынках и в чайханах.
И лучше здесь не кушать ничего,
Иначе превратишься сам в барана,-
Тебя поджарят, подадут на стол.
Давно так в Самарканде промышляют,
И прибыль им приносит колдовство
Всегда огромную, необычайную,
Ведь без убытков это ремесло.
Стада баранов по полям гуляют,
И с каждым днём всё больше их вокруг,
А гости города внезапно исчезают,
Мгновенно превращаются в курдюк;
И деньги их, конечно, попадают
К градоначальникам в глубокую кошну,
(В одной упряжке вместе с колдунами
Они за лёгкой прибылью идут).
На совещаньях часто речь звучала
Такая: "В Самарканде мы
Приумножаем благосостоянье;

Вы посмотрите, даже бедняки
Имеют здесь по пять баранов!"
На это отвечали колдуны:
"Всех превращённых режьте сразу;
Они по-человечески умны,
В бараньем теле человеческий разум,
А лбы их по-звериному крепки.
Нам неприятности доставить могут
Сии туристы в облике животных."

Сначала так и делали, но вскоре
Баранов кровных с превращёнными
Смешали в общем стаде; и они
Решили за свободу угнетённых
Сражаться, (те бараны, что людьми
Недавно были, так решили). К воле
Они стада копытных повели,
А по пути глумились над людьми.
Разгневанно мемекая, крушили
Рогатые смутьяны всех подряд,-
В пять раз числом превосходили
Господ своих; в руины Самарканд
За восемь дней бараны превратили.
И лишь дворец был цел; вся знать
Укрылась там от митинга стихийного.
Сановники, и небольшой отряд

Воинов, – о милости просили
Захватчиков своих: " Мы вас назад
В двуногих превратим! Простите нас!
Да будьте же людьми, вам говорят!
Мы в первый и в последний раз
Своею властью злоупотребляем!
Ну пощадите нас! Мы умоляем!"
Но бараны смело и упрямо,
Стадом на оставшихся в живых
Пошли, и толстыми рогами
Всех забодали их... Такую быль
Однажды аксакалы рассказали
Мне, когда я кушал в чайхане
Свой плов, – румяная баранина
Поперёк гортани встала мне,
И в казане, на дне, отчаянно
Вдруг прозвучало: "Бэ-э-э!"

Возрождение

Вокруг тишина. На часах пять утра.
Медленно мрак тает в небе бескрайнем.
Моя голова тяжела, я не спал;
Всю ночь размышлял о буддийской нирване,
О райских садах мусульман, о полях
Вечной охоты, о буйной Вальгалле;
О царстве небесном, где попранный прах
Отбросили прочь от себя христиане.
О дивных, далёких, бесщётных мирах
Я вспоминал; там мой дух был когда-то;
Он вновь возвращался для жизни в тела,
И вновь уходил в никуда, – за закатом
Следовал новый рассвет. Смерти нет;
Есть лишь движение бранных материй,
В которых сияет немеркнущий свет
Божественный, вечный, не знающий тленья.
Множество раз оживал в существах
Дух мой мятежный, (устал он скитаться
В межзвёздном пространстве на вольных ветрах,
И стал без конца воплощаться;
А зря, – потерял постоянство,
Он мог бестелесным всегда оставаться).

Такой монолог в голове у меня
Под утро нарисовался;
А всё оттого, что теперь таракан
Я, и мне надо спастись. -
Тапком хозяйка ударит сейчас
По мне; за секунду я, братцы,
Все свои вспомнил реинкарнации.
Куда же мой дух забредёт в этот раз?
Где мне опять возродиться?..

Майя

"Быстро колесница солнца
Мчится по небесным высям,
Озаряя мир лучами.
Утро жизни нам даётся,
Радость, бодрость, ясность мысли,
Но пройдёт всё; мрак настанет.
Миг живём мы в этом мире;
Тенью жизнь мелькнёт, и сгинет.
Восемьдесят лет прошло
С тех пор, как я увидел свет
Впервые. Много зол
Мне пришлось преодолеть,
Для того, чтобы познать
Добро в земной юдоли скорбной;
Но время, – беспощадный тать,
Его украло... Одиноким
Стариком встречаю я
Закат земного бытия.
Тают миражи в пустыне.
Реальность, это пустота.
То, что здесь очами зрим мы,-
Иллюзия, виденье сна..."

– Старик, про Майю расскажи нам.

Ты, говорят, когда-то жил
В Индии. "Да, побродил я
Много по путям земным.
Тридцать лет был пилигримом.
Слушайте рассказ мой дивный."

Нас было восемь человек,
Мы истину искали в мире;
В долгих странствиях свой век
Суетливый проводили.
В караванах по пустыням
Днями и ночами шли,
А потом по морю плыли
В кораблях. Весь круг земли
Обогнули; все святыни
Посетили, но ушли
Слепыми.

Мудрецы нам говорили:
"Идите в индию; там есть
Один учитель очень сильный.
Он от богов принёс нам весть.
Он истину вам даст познать.
У Ганги надо вам искать
Брахмана сего. А здесь
Отыщите вы только спесь

Адептов, мишуру догматов.
В Индию идти вам надо."

Долго добирались мы
В страну отшельников святых.
Много дивной красоты
На своём пути встречали:
Храмы, капища, дворцы,
Водопады и сады
Были столь необычайными,
Что казалось нам, мы зрим
Рай блаженный. Пред очами
Роскошь царская блистала;
А рядом с нею нищета
Взоры наши ужасала...
В городах нас принимали
С почестями; все раджи
Рады иностранным странникам.
Толмача с собой они
Дали нам, чтоб он нас вёл
К гуру просветлённому.

Сорок дней мы шли вдоль Ганги.
Мутная сия река
На волнах своих останки
Тел несла, – нога, рука,

Туловище с головою
Обугленные проплывали.
Сладковатое зловонье,
Содрогаясь, ощущали
Мы; погребальные костры
Днём и ночью там пылали.
Маслянистый чёрный дым
Уносил прочь из сансары
Души просветлённых. "Их
Рай небесный ожидает,
Безмятежная нирвана,
(Но очень мало есть таких).
Остальных же, вновь притянет
Назад к себе юдоль земная;
Снова души их познают
Слёзы, горе и страданья.
В череде перерождений,
В вечном колесе сансары
Пребывают поколенья
Смертных." – Объяснял нам
Наш толмач; но сам не верил
Он в буддийскую идею,
Индуистом ярим был,
Всею душой богов любил.

Поздним вечером нашли мы

На пустынном берегу
Учителя; он медитировал.
Поклонились мы ему,
И сказали: "Здравствуй, гуру!
Возьми к себе в ученики
Нас; прилежно будем
По твоим стопам ходить.
Истину хотим познать."
– Нету истины, есть Майя.
Люди любят крепко спать;
Сон ума мы наблюдаем.
Восемь дней поголодать
Надо вам, и покажу
То, что вы хотите знать.
В словах о том не расскажу.
(Так учитель отвечал нам
Через толмача). Печально
Выглядел он, – худ и наг;
Но в глазах его сверкала
Сила колдовская. Маг
Этот, вовсе не мигая,
Смотрел на нас, словно змея
Пред броском. Не знаю я,
Как его мне описать вам...
Сам, как будто неживой;
Но бездна там внутри живёт,

Дух могучий в теле заперт.

Согласились мы поститься.
И даже наш толмач решился
Вместе с нами голодать,
Чтобы истину познать.

Восемь дней постились мы,
А на девятый, наш учитель,
Утром ранним, говорит:
"Готовы вы; теперь идите.
Отсюда два часа ходьбы
До пристани, там лодки есть.
Надо вам одну купить,
И поплывём до Майи вместе."

Переглянулись мы, и в путь
Отправились недолгий.
"В чём же этой Майи суть?
Еле держат наши ноги
Нас... Ужасный голод
Испытали, для чего?
Чтоб купить пройдохе лодку?!
Купим; но одно весло
Для него прибережём!" -
Так мы, в гневе, рассуждали,

И до пристани шагали.

До места добравшись, увидели мы,
Как девы прекрасные в лодках приплыли.

Девять их было; манили они
Своей красотой, такою призывной,
Что не было сил удержаться.

Решили мы все покататься
С девицами этими на их ладьях.
И, с радостью, нас иностранцев,
Они усадили к себе. Через Ганг
Переправилась наша компания.
Девы прелестные нас увлекали
В жилища свои; остались мы с ними.

О гуру своём позабыли;
Ведь счастье пред нами,
Зачем нам искать
Какую-то странную Майю?
Девицы нас быстро околдовать
Смогли; мы их полюбили.
Жёнами стали нам девы красивые.

В уютном посёлке мы жили,
Девять счастливых семей.
Радость, согласие и изобилие
В наших домах каждый день

Присутствовали. Перст судьбы
Нам правильный путь указал;
Каждый из нас, сад любви
В пустыне мирской отыскал.
И вскоре в садах тех цветы
Расцвели, -
Зазвучал детский смех.
Жёны рожали, а мы
Усердно трудились для всех
Домочадцев своих, год за годом.
Жизнью мы были довольны.

Дети росли, мы старели;
Время, как бурный поток,
Неслось – дни и недели,
Месяцы, годы... Итог
Нашей жизни устраивал нас,-
В закромах есть богатый запас;
Чада и внуки в порядке,
Здесь они, с нами рядом.
(Посёлок разросся в селенье,
И жили в нём два поколения
Счастливых наследников наших).
А мы, сединою украшенные,
Пришли к умиротворению.
Но происходит вдруг страшное,-

Хлопок, и вот просветление!

Учитель наш хлопнул в ладоши,
И увидели мы, что стоим
У Ганги, на месте на том же,
От которого к девам своим
Направлялись, – не было их,
Ни детей, и ни внуков; лишь миг
Прошёл, а в нём и вся жизнь,
Счастливые десятилетия...
Такое у нас потрясенье
Было! "Где наши дети
И жёны?! Верни их скорее!" -
К магу зывали, с отчаяньем, мы.
А он отвечал: "Это Майя;
Она отвлекала ваши умы
От реальности. Вы poznали
Одно из мгновений сансары;
Их тысячи было у вас,
И тысячи ждут впереди.
Всё, что вы зрите сейчас, -
Иллюзия; разум ваш спит."

Рок

"Человек – творец судьбы,
Всё ему по силам;
Всюду проведёт мосты
К берегам счастливым.
Путь земной не предрешён,
Есть свобода воли.
Каждый в мире окрылён,
И лететь способен
К воплощению мечты.
Для побед мы рождены!
Я вчера экзамен сдал,
Поступил на факультет!
Вот он, жизни пьедестал!" -
Ликовал студент
По дороге к дому.
Не слышал звук мотора
Он, – на пешеходном
Переходе грузовик
Раздавил его мечты.

"С малых лет я в нищете,
Судьба моя жестока.
Счастья не обрёл нигде,

А горя видел много.
Перестал стремиться я
К лучшему; смирился.
В тьму земного бытия
Дух мой погрузился.
Далеко счастливый свет,-
Вера и надежда.
Хлеб насущный нужен мне,
И ветхая одежда.
А сейчас судьба билет
Дала мне лотерейный;
Денег в том билете нет,
В счастье я не верю." -
"Русское лото" бедняк
Получил на сдачу,
И разом миллиард поднял;
Рок принёс удачу.

Праздник весны

Весной коты живут привольно;
С утра до вечера они,
Здрав пушистые хвосты,
Арии поют любовные
Красивым кошкам молодым.
За милых дам готовы биться
На смерть рыцари когтистые;
Их ярый пыл неукротим.
Им, чтоб удачно пожениться,
Надо в битвах победить
Всех соперников своих.
Не страшно кошкам свалиться
С крыш; они хотят любить.
А кошка в это время ждёт
Того, кто больше рыжих морд
Когтями сможет пригвоздить.

И вот идёт её герой,
Весь в шрамах от ушей до носа,
Победно держит хвост трубой,
И смотрит нагло, жадно, косо.
Сама судьба свела их вместе,
Сыграла свадьбу им весна;

Теперь они на всю окрестность,
В порыве нежности, кричат.
А после, через пару месяцев,
Аист принесёт котят.

Вечная весна

Птичьи стаи в небесах
Голосят: "Пришла весна!
Из чужих краёв сюда
Прилетели мы с ней вместе,
Как предвестники тепла.
Посмотри-ка на окрестность,-
Всюду талые снега,
Снежный океан безбрежный.
Ручейки бегут-звенят,
В воздухе витает свежесть.
Небо синее просторно,
Солнце ясное прекрасно.
Сколько радости для взора!
Мир весною, это сказка!
Красота весенних дней
Вновь предстала пред очами;
Иди на улицу скорей
И полюбуйся вместе с нами
Ею!" – Так они пропели
Мне с небес в весенний день.
Пенье их, и звон капли
Меня прогнали за плетень.

Вышел я из дома в поле,
И по плачущим снегам
Вдаль отправился, в раздолье.
А весна, в семи ветрах,
Рядом шла; своим дыханьем
Будоражила она,-
В сердце мне воспоминанья
Принесла о юных днях.
Годы мои, как сугробы,
Вдруг оттаяли, и я
Детство своё в вешних водах,
Умиляясь, увидел.
Заря земного бытия
Светлым счастьем воссияла;
Снова в сборе вся семья,
Живы мои папа с мамой...
Высоко на небесах
Пролетает птичья стая.
В небе вечная весна.
Да и здесь она такая,-
Снег растает, и опять
Травы будут прорастать.

Никуда не уходит былое,
То, что было, то будет всегда,
Расцветёт оно с новой весной;

Поменяются только места
Пребывания в жизненном поле.

Весеннее

«В ста верстах от Орла
Моё родное село.
Мы всею семью живём
В доме большом; два двора
Соединили, – в одном
Сын наш с женою, и внуки,
А бабка и я – во втором.
Нас называют – бадуки;
Бадуковы мы. А село
Наше – имение графа
Клинского; Клинами его
Зовут. Не буду я штрафы
Платить вам; какие? за что?
Вы лучше обратно в село
Верните меня. Это ад!
Стальные телеги кругом,
Как дикие звери, рычат!..
Я укажу вам мой дом,
И пачпорт для сверочки дам.»

«А дед-то, как будто не врёт...
Наверно, дурак, ведь не пьян.
На встречную полосу прёт.

В лаптях, и какой-то кафтан
Надел на себя... Мы его
Сначала в Клины отвезём;
Я в том посёлке бывал.» -
Гаишники так меж собой
Рассудили, и старого деда
В «уазик» к себе усадили,
Но, им пришлось перед этим,
Послушать слова из псалтири.
(Крестьянин промолвил молитву,
Чтобы железного зверя
От чар колдовских обезвредить).

По дороге к селу
Дед совсем приуныл,
Страшно было ему.
У стекла он застыл,
Как немой истукан;
Он не верил глазам,-
На просторах родных
Всюду шум, всюду гам;
Словно свора борзых,
Вдаль по белым следам
Тьма машин быстро мчит.
Словно замки, дома,-
Горы каменных плит

Тянутся к небесам.
Рядом что-то шипит,
Говорят голоса,
(Это рации; их
Бедный дед никогда
Не видал, не слышал).
«Неужель, это ад?!
Всех нечистых своих
Сатана здесь собрал!
Коль останусь в живых,
Расскажу; но словам
Не поверят моим...» -
Так старик размышлял.
А гаишник включил
В это время в смартфоне
На полную громкость
Мелодию модную.
«О, горе мне, горе!» -
Воскликнул крестьянин,
И в окошко ладошкой ударил.

Пришлось на обочине встать,
Чтобы буйного деда унять.
– Горе с твоей головою,
В неё ты и должен стучать!
А стёкла в машине не трогай!

Что за субъект, твою мать?!
В наряде таком по дорогам
Ходит он; Ваньку валять
Будешь не здесь, а в особом
Месте! Весной ваша рать
На подвиги дружно выходит!
Может, вызовем скорую?

– Скажи-ка, старина, а как
Ты сюда попал?
Если ты живёшь в Клинах,
Тогда твой дом вот там;
Шагай себе по полосе
Два километра, а потом
Направо поверни с шоссе.
Неужто не знаком
С окрестностью родной?
И зачем ты про Орёл
Говорил нам? Он в другой
Стороне, и далеко...

«Я видел надпись на столбе,-
Названия городов;
И вам сказал, мол, город где,
И где моё село.
А так, ей богу, ничего

Вокруг не узнаю.
Как будто дьявол пеленой
Покрыл всё; страшно тут...
Родную речь я в голосах
С трудом распознаю;
Вы говорите все не так.
Одёжу вы свою
Скроили не по-русски.
Колдовство кругом...
Помогите мне вернуться!
Вижу, что добро
Есть у вас в сердцах!»

– Кратко, в двух словах
Объясни нам, как ты здесь
Появился в шесть утра?
Видели мы, как ты лез
На проезжие машины,-
Шёл по встрече и крестил их.
И ещё раз повтори
Год рождения и место;
Только, в этот раз не ври,
Шутки твои неуместы.

«Правду истинную вам
Рассказал я, господа;

Я из Клиновских крестьян.
Семьдесят годов назад
Появился я на свет.»
– Это значит, что сейчас
Год какой? Припомни, дед.
«Повторю в десятый раз,-
Тыща восемьсот тридцатый!
Утром вышел я из хаты,
Взяв с собой пречистый образ
Девы Богородицы. -
С первыми лучами солнца,
Я его на дно колодца
На верёвочке спустил,
Чтобы бабку светлый дух
От недугов исцелил.
(Натерпелась тяжких мук
Верная моя супруга;
Третий год она хворает).
А обряд сей помогает;
Он от порчи, от испуга
Родственников защищает,
Воду силой заряжает.
Молил я о помощи Деву:
«Время вспять Ты поверни,
И жену моложе сделай
Годика хотя б на три!»»

А потом достал икону
Из колодца, и пошёл
С нею вместе в чисто поле;
И, наверно, страшный сон
В это время увидал,-
К вам сюда попал...»

Возили в село старика,
Но там никого не узнал он.
Люди, машины, дома
Дедушку так напугали,
Что срочно пришлось санитаров
В посёлок Клины вызывать,
И оттуда крестьянина старого
Забрали. Теперь отдыхать
Будет он в белых палатах.
Семью и родимую хату
Увидит старик лишь во снах.
Так подшутил над ним дьявол.
А Дева Мария была
Далеко, и, увы, не узнала
О том, что дедулю спасать
Надо; пропал он.

Мудрые речи в светлых палатах

"Резкий ветер перемен
Пыль событий поднимает,
Буря в мире наступает.
За щитом высоких стен
Не укрыться городам,
Камни превратятся в прах.
А живых людей ждёт смерть
Лютая, но прежде – страх,
Муки, слёзы; уцелеть
Сможет лишь один из ста.
Смрадный тлен среди руин,
Стаи диких псов голодных,
И дыхание чумы, -
Вот что будет скоро
В наших городах.
Проворный чёрный ворон
Несёт беду в когтях,
Он бросит её к тронам
Царским, и к лачугам
Нищим; и повсюду
Будет пепелище.
Саваоф с нас взыщет
За грехи; жилище

Наше превратит
В пепел. Мир сгорит."

– О, боже! Сколько можно?!
Каждый день одно и то же!
Надо Библию забрать
У тебя! Скажи мне, как
Возможно предсказать
То, чего никто не знает?
События всегда бывают
Вариабельными. Взять,
К примеру, две частицы
Солнечные, – их пути
Неисповедимы; они
Всюду могут просочиться.
Два фотона проследить,
С помощью аппаратуры,
Не способны мы. А ты
Весь наш мир задумал
Просчитать; так не бывает.

"Степени свободы знаю
Я; их очень много.
Но они в глобальном плане,
Идут одной дорогой,-
Две, иль три развилки есть

На пути земных событий;
Я давно их смог учесть.
Ровно годик подождите,
И увидите, что будет
В этом бренном мире.
Море крови, горы трупов
Воочию узрите!"

– Пятая палата, вас
На уколы персонально
Приглашать? Скажу сейчас
Нашим добрым санитарам,
Чтоб они вам помогли!
Спасайте бранный мир
В процедурной; восемь игл
Ждут вас, мудрецы.

О пользе знаний

"Мудрецов велеречивых
Ты не встретишь среди живых;
Среди мёртвых поищи их.
На страницах этих книг
Опочили мудрецы;
Через тьму веков они
Ясный свет к нам донесли.
Не будь слепым, читай прилежно
О том, как сотворён наш мир.
Наука – океан безбрежный;
Построй свой чёлн, и уплыви
На нём за дальний горизонт
Познаний, к новым берегам;
Истина сияет там.
Чем выше парус-кругозор
Поднимешь ты, тем дальше будешь;
Сокровища душе добудешь,
Которые не сможет вор
У тебя украсть. Укрась
Же ими разум свой,
И с этой дивной красотой
Любую победишь напасть;
Властелином станешь в мире." -

Такую речь сказал учитель
Своему ученику,
И пять томов вручил ему
Огромных, по семьсот страниц.
"Век живи и век учись." -
На прощанье молвил он.

Школяр, отвесивши поклон,
Отправился уныло к дому.
"Не ученье, а полон!
Ну зачем мне, молодому,
Знать сей несусветный вздор
Просветлённых мертвецов?!
Эх, тоска моя бездонна!
Я в петлю залезть готов,
Или выпрыгнуть с балкона!
Ну когда, в конце концов,
Прекратится эта мука?!
Надоела мне наука..."

До позднего вечера книги читал
Школяр. А на улице лето;
Песни и смех, и бряцанье гитар
Раздаются раскатистым эхом
Во дворах. Вокруг суета,
Жизнь кипит; а юнец от стола

Не отходит, над книгой сидит,
Замудрённые тексты зубрит.

Ближе к ночи, студент утомлённый
Наконец-то расправил свой стан;
Потянулся, вздохнул облегчённо:
"Ох устал! Шум в ушах, рябь в глазах.
Двенадцать уже на часах!
Камин разожгу, хладно стало.
Знобит меня, дрожь в руках
И в ногах; неужель захворал я?
Окно отворю, полюбуюсь на мрак...
Кромешная тьма в небесах;
Звёзды далёкие тускло мерцают.
Природа мертва, всюду прах.
И книги мертвы, зря я их изучаю,
Нет там правды в словах.
Миг мы живём в этом мире;
Надо жить, а не прозябать.
А книги сии, как вериги!
Не дают мне свободно шагать!
Я их скину! Опротивели!"

И школяр, в исступленьи, стремительно
Подбежал ко столу; книги взял,
Поглядел на них злобно, презрительно,

И в камин все тома побросал.
Ярким заревом комнату тёмную
Осветило; горели труды
Многотомные, а с ними учёные,-
На страницах кричали они:
"Горе тебе, нерадивый студент!
Ты истину бросил в огонь!
Себе навредил ты; для нас смерти нет.
Ох, страшное будет с тобой..."
И тут из камина вышли они,
Все в огне, и своими скрижалями
Стали жестоко отступника бить,-
К балкону его оттесняли.
Кошмар наяву школяр увидал;
Не вынес он ужаса, спрыгнул с балкона,
И знания свои, увы, потерял
Вместе с мозгами, на пыльном бетоне.

Космология

Старик шаман сидел в вигваме,
И своим собратьям он
Излагал повествованье
О каком-то неземном
Духе. Слушали его
Все с вниманием. И мы
Тоже вместе с толмачом
Все слова его ловили
Жадно. (Я не антрополог,
А биолог; но давно
Путешествую, и много
Интересного нашёл
Среди диких сих племён.-
Космология меня
Очень интересовала).
Вот что рассказал шаман:

Я помню дни, когда Земля
Была безводна и пуста.
Бессмертный дух парил над ней;
Тела в пустыне он искал
Среди песка и груд камней.
Но ничего живого там

Не мог найти; повсюду прах.
И тогда бессмертный дух
Посеял семена вокруг,
Принёс он их в семи ветрах.
Но семена те на камнях
Не могли взойти, – воды
Много надо было им.
И сказал дух небесам:
"Воду в землю щедро лейте;
Пусть великий океан
Властвует над брэнной твердью.
Из пучины выйдет жизнь, -
Тысячи живых существ.
Небо, громом разразись,
И залей дождями весь
Мир!" Так дух промолвил.
Мудрым словом и водою
Сотворил он всё живое.

А потом шаман подробно
Рассказал нам про зверей,
Рыб и птиц, про насекомых,
И, конечно, про людей.
А я ему чрез толмача
Долго про большущий взрыв
Объяснял. Старик мычал

И кивал, (он был учтив;
Снисходительно себя
Пред невеждами он вёл).
"Может быть, что ваш шаман
В чём-то прав; ударил гром,
Словно взрыв, и мир явился.
Но не соглашусь в одном,-
Само собой так не случится." -
Так сказал индеец мне.
И, действительно, лишь в этом
Всё различие идей;
В остальном, сказанья древних
Схожи с нашими вполне...

И всё-таки она вертится!

Шатёр небес просторен,
Он звёздами украшен.
Люблю ночной порою
Смотреть с высокой башни
На сказочный узор;
Ум мой будоражит
Сознание, что наш двор
Земной – один из многих.
Там в мирах далёких
Разум должен быть;
Мы не одиноки.
Но, увы, раскрыть
Наши телескопы
Ту тайну не способны.
Мне бы воспарить
Во мгновенье ока
К той звезде высокой,
И хоть миг пожить
В обителях иных...
Лишь для звездочёта
Небо – целый мир;
Закаты и восходы
Он по-иному зрит.

Сияние светил
Ему ум озаряет;
Астролог много знает.
А им не объяснить,
Что Солнце не гуляет
Вокруг Земли. Они
Слепыми пребывают;
Псалтырь свою зубрить
Привыкли день за днём.
Хотят спалить огнём
Меня за то, что я
Хочу им всем глаза
Раскрыть на факт простой.
По нраву им их мрак;
В невежестве, в застое
Церковные законы
Будут их держать!
А вот и в дверь стучат;
Пришли уже за мною...

Сгорел астролог на костре,
А напоследок прокричал:
"И всё же вертится она!
Не Солнцу вовсе, а Земле
Сила вращения дана!"

Чёрный квадрат

Ночная мгла на небесах
Напоминает мне квадрат
Малевича, – нарисовал
Он его; а для чего?
Что он в нём зашифровал?
Скорей всего, нет ничего
Под чёрной краской.
На холсте пустой простор;
Рисунок – клякса.
Миллиарды лет, как миг,
Скоро жизнь исчезнет.
Для чего сей мир возник
На дороге млечной?
Звёздное небо, как мрак...
В окне моём чёрный квадрат.

Космическая пыль

Когда слетит песок времён
С круглой матери-Земли,
Тогда и кончится тот сон,
Что жизнью называем мы.
Солнце ясное погаснет,
Мрачным станет небосклон;
Хаос дикий и прекрасный
Будет царствовать над злом
И добром; над всем, что было.
Жизнь остынет в этом мире.
Первозданная стихия -
Вечный ветер быстрокрылый
Прочь сметёт всю пыль веков.
А потом, там, высоко,
В новом месте неизвестном
Эта пыль опять осядет,
То, что было, вновь воскреснет;
Представленья рая, ада,
Зла, добра, вранья и правды,
Справедливости, любви
Воскресают вновь в живых.
Это жизненный порядок,
Во вселенной он один,-

Возвращаются обратно
К жизни все, кто прежде был.
Никогда не исчезает
Эхо слов, и мыслей след;
Быстрокрылыми ветрами
Всё уносится к звезде
Новой, – под её лучами,
Через миллиарды лет,
Вновь сознание расцветает;
Снова видит белый свет
Возрождённое создание.
Во вселенной смерти нет.

Пламя

Говорят, что часть души
В стройных строках остаётся.
В мудром слове будет жить
Дух бессмертный. Светом льётся
Мысль лучистая; весь текст
Воссияет ярче солнца,
Ведь искра от Бога есть
В буйном сердце стихотворца.
Тьму столетий осветит
Вдохновение поэта,
Всю планету облетит
Звонкий стих, и скорость света
С лёгкостью преодолеет;
Победит пространство-время.
Я пиит-метеорит,
За единый миг умею
Писать прекрасные стихи,
Творю мгновенно эпопеи!

А я рубаи сочиняю;
Кропотливо вымеряю
В каждом слове слог.
С утра работать начинаю;

И к вечеру готов итог,-
Четыре строчки, но сияют
Ярче дорогого лала,
Я украсил им восток.
Вдохновением блистает
Ожерелье строк.

Оба метода подходят;
Кратко, или многословно
Смысл можно передать.
Если есть искра от Бога,
То в стихах начнёт пылать
Пламя праведного слога.

Рана

Свежий весенний ветер
Гуляет в высокой траве,
Первые искры рассвета
Сбивает он с голых стеблей.
В холодной росе мои ноги,
Всю ночь я шагал босиком
К ближайшей проезжей дороге.
Огромное поле кругом;
Курганы да дикие травы,
И ни единой души.
Налево пойдёшь, иль направо,-
Везде только ветер свистит.
Везли мы по этой глуши
Товары в Саратов на ярмарку,
Хотели на лето гроши
Себе заработать; но наглые
Разбойники весь наш обоз
Тёмною ночью ограбили.
Лишь я свои ноги унёс.
Друзья мои пали замертво;
Окаянные тати пищалями
Расстреляли их из засады,
А меня они в руку поранили.

До ближней деревни мне надо
Добраться, как можно скорее.
Сильно болит моя рана,
Тяжесть свинцовая в теле;
Но я всё ровно неустанно
Шагаю, и в лучшее верю.
Дикая жажда терзает
Меня всё сильнее и сильнее;
Хочется пить, я сгораю.
Вены взбухают на шее,
А кожа моя холодеет.
Кровь я унял, но, наверно,
Всё же большая потеря
Была, пока я бежал;
Не сразу я рану свою
Сумел рукавом затянуть,-
Разбойники шли по пятам.

Когда я дополз до дороги,
В глазах моих потемнело...
Я знал, что осталось немного,
Рядом должна быть деревня.
Я верил... Теперь я на небе.
А тело моё на телеге
В ближайший посёлок свезли,

И поселили в могиле.
Весной я в ветрах по степи
Ношуь, и свищу заунывно.

Души

"Настанет время, когда нас не станет,
Мы все уйдём неведомо куда.
Душа исчезнет, упорхнёт, растает,
И не оставит за собой следа.
Что будет там? О том, увы, не знаем.
Мелькнёт неясных мыслей череда,
(Такая же, как и при засыпании),
И растворится в вечном мраке сна
Глубокого, без грёз и сновидений. -
Наш разум только это представленье
О смерти, как явлению, имеет."

- А я про сон земного бытия
Другую точку зрения имею.
Мне дважды доводилось побывать
На грани смерти. - Выходя из тела,
Я видел образы, такие же, как в жизни;
Реальность в полной мере ощущал.
Встречая на пути родных и близких,
В иную жизнь я радостно шагал.

"Галлюцинации всегда, при гипоксии,
Случаются; огромный выброс был

Серотонина, дофамина, эндорфина,
И многого другого. Получил
Ваш разум разом порцию такую
Громадную, что сразу жизнь иную
Нарисовал себе за пять секунд.
А вот, когда видения пройдут,
То и наступит сон без сновидений,-
Ничто, небытие, успокоенье..."

– Вы высказали лишь предположение;
Гипотезу, которую проверить
Не в силах на Земле у нас никто.
Сознание вы не можете измерить,-
Вам очень мало функции мозгов
О нём поведают. Мы только верить
Можем; мир наш – царство снов.
"Опять вы про своих богов!"

– Целый час они
За столом сидят!
Ты погляди на них!
Один про рай и ад
Твердит неугомонно;
А второй, учёный,
Про небытие
Глаголит многословно.

– А мы сейчас везде!
Пространство в наших душах.
Скучно мне их слушать.
Пойдём к душевнобольным,
Они понимают нас лучше.
– Действительно, надо к ним.
Помнишь дорогу к "психушке"?
– Мы мигом туда долетим;
За кладбищем, детский сад,
А потом будет сразу за ним
Больница; там люди коптят
Это небо... Скорее, летим!
(Призраки так рассудили,
И обратно в тела угодили).

Ветхий дом

Я улечу на синий небосклон,
В краю ветров свободу обрету;
Мне ни к чему земной мой дом,
Давно нарушен в нём уют. -
Под старой крышею руины,
Негодный хлам, осколки бытия;
Убогая, печальная картина
Сейчас перед очами у меня.
Мечты, надежды и стремленья
Разрушены, пылятся на полу.
По комнатам болезни и старенье
Шагают; смерть сидит в углу.
А было это здание красивым.
Но злое время, как вандал,-
Огромным молотом бьёт сильно;
И с каждым годом, тяжелей удар
По дому моему оно наносит,
Безжалостно разносит в пух и прах
Обитель плотскую, и только кости
Останутся; настанет мрак...
И лишь душа, в семи ветрах,
К заоблачным просторам вознесётся;
Жилище новое в иных мирах

Найдёт себе, но ненадолго, – после
Опять уйдёт гулять по мирозданию;
И нет скитаниям конца и краю,-
Существованье – смерть – существованье.
Собаки возле дома завывают,
Поют-скулят про сказку бытия;
Они-то знают, что сознание веками
Живёт в миру, но в разных "Я".

Вино

Кравчий, налей мне вина,
Чашу я выпью до дна.
Лоза винограда нам дарит
Веселье во все времена.

В пору весны – подбодрит,
Уверенность в душу вселит;
Плодами прекрасного сада
Ловких юнцов наградит.

А летом, когда крепок ты,
Вино помогает мечты
Воплотить; лучи бытия
Взойдут в это время в зенит.
Дом и родная семья,-
Вот что тебя опьянит.

Осенней порою вино
Вкус мудрости преподнесёт,
С горечью пряной, усталой;
К зиме подготовит оно.

Зима. За окном хлад и мрак.

Ветер, как свора собак,
Воет тоскливо и долго...
Вином согревайся, бедняк;
Никто тебя, старый, не помнит.
Так пей же до дна, коли так!
Пусть вьюга тебя похоронит.

Пономарь

"Время, как ветер, – листы обрывает
С календаря моего;
За осень быстро зима наступает,
Уходит былое тепло.
Жизнь, как свеча; воск её оплывает,
Меркнет души огонёк.
Тьма непроглядная скоро настанет,
Кончится жизненный срок.
Что ожидает меня за чертою?
Рай, или огненный ад?
Тысячи тысяч ушли той тропею,
Никто не вернулся назад.
Пропели им песни зауспокойные;
Теперь только свечи горят
В церкви мирской, а немые иконы
Сурово на прах их глядят.
Господь высоко, Он на той колокольне,
Которая сильно гремит;
Не слышит никто в пустом перезвоне
Слов истины, мудрость молчит." -
Думал старик пономарь, доставая
Щипцами огарки свечей.
По старому храму ходил он, вздыхая,

От иконы к иконе; очей
Своих целую ночь не смыкал он.
Сторожа он заменял по ночам,
А днями молитвы читал.
Веру свою пономарь потерял,
Но дальше служить продолжал.
Дикая глупость заученных фраз
Давно старика угнетала,
Но он повторял её множество раз;
Читал, пока духу хватало,
Длинные, нудные строки псалтири.
Привычка – великая сила.

Давно слово Бога в миру позабыто,
Его превратили в религию,
В порядок чинов, в назидание быта.
Рясы, просфоры, иконы, вериги
Мудрость Христову затмили.

Рассказ душевнобольного нейробиолога

Жизнь-река унесла волны-дни в океан,
Утопила в бездонной пучине былое.
Стар я стал, сторблен стройный мой стан,
Но дух бодр, – всё, что было, он помнит.
Днём и ночью сей дух не даёт мне покоя,
Он настойчив, – под ухо твердит об одном:
"Расскажи то, что слышишь, поведай истории
Всем тем, кто с тобою в вертепе земном
Томится сейчас; ты им очи раскрой."
И вот начинаю я снова рассказ
О том, что сокрыто от нас мглой густой
Миллиардов столетий. Если уши у вас
Имеются, – ясно услышите вы
То, что глазами не можете видеть.
Двумя языками дух велел рассказать вам
О мире, о разуме в теле живом.
Первый язык из научных понятий
Состоит, а из образов соткан второй.

И так, приступаю. Дух был вначале,
Он долго носился над твердью земной,

И мыслью творил; этот Дух, есть сознание.
Искал он вместилище в форме иной,-
В теле простейших оставил зачаток
Разумный, стремление к развитию дал,
К борьбе; и, путём ярых схваток,
Сильный развился, а слабый пропал.
В мире первичной была информация;
Как в ДНК оказались белки,
Несущие ген? – С РНК забираться
Пришлось им туда; появились они
Странным набором, конфигурацией
Нуклеотидов, ещё до того,
Как оказалась в бульоне "субстанция",
Само ДНК, вещество.
("Первичным бульоном" зовём мы набор
Элементов, создавших живое.
Теория эта, конечно же, – вздор.
Мол, путём совпадений собралось такое
На свалке огромной, что хоп! лимузин
Возник среди хлама, и стал, сам собою,
Плодить репликации новых машин!
Гипотезу эту обычно такую
Формулировкой нам объясняют:
Мол, времени было для этого много,
За миллиарды веков так бывает).
А вторая теория нам говорит

О том, что сюда из далёких миров
Жизнь принесли метеориты.
И дух мой согласен с нею; таков
Был путь, жизнь была и до нас,
И много её есть сейчас во вселенной.
Прорвался до нас Божий глас.
Панспермией зовётся гипотеза эта.
Главную надо запомнить здесь суть,-
Сознание ищет в материи путь
К существованию; разум первичен,
Он, как космическое электричество,
Везде пребывает, но проявляет
Явно себя лишь в телах.
Мы очень мало видим очами,
Материю зрим мы, – лишь прах.
Органы чувств неспособны сознанье
Познать; только код, только знак
Информации воспринимаем,
А саму её видеть не можем никак,
Слепыми по миру блуждаем.

И так, мы все знаем, что в теле сознанье,
В центральной нервной системе оно;
Мы его с мозгом объединяем,-
Для наших умов, это, как бы, одно.
Эпифеноменом долго считали

Разум людской, мол, побочный эффект
Возник при работе извилин-деталей;
То есть, агента в приборчике нет,
Есть только сложный набор восприятий
И он порождает иллюзию "Я", -
Мысли, симпатии и антипатии,
Память; всё то, без чего нам нельзя
Идти по пути бытия в мироздании.
Эпифеномен, другими словами,
Можно как эмерджентность объяснить;
Но смысл иной мы тогда обретаем.
Новое свойство, есть то, где нам быть
Душой суждено; там есть наше сознание.
(Когда у системы возникло явление,
Которое вовсе к её компонентам
Уже не относится, – не материя,
То трудно понять нам, что это.
Тут к квантовой физике надо идти,
Но, увы, ограничены наши пути).
Дух мне сейчас говорит: "На примере
Ты им объясни, про лампу и свет, -
Горит электричество, лампочка светит;
У колбы и цоколя общего нет
Ничего с электроэнергией.
Ток электрический всюду, везде.
Вот лампа сгорела в мгновение,

А исчезнет ли свет?" Хороший пример;
Но, кто из нас знает, что собой представляет
Само электричество?.. Нету ответа.
Ток в нашем мозге сигнал провожает
От нейрона к нейрону, приветы
С нейротрансмиттерами отправляет.
А в пространстве ток всюду бывает.

Сейчас наших знаний о мозге хватает,
Все функции знаем, весь их набор.
Но не понимаем, что такое квалиа?
Вот, скажем к примеру, я вижу узор
Мысленным взором; ковёр вспоминаю. -
Гиппокамп и кора ансамбль играют,
В вертикальных колонках энграммы горят.
Сия светомузыка мне воскрешает
Мои переживания; и создавать
Новые тоже подчас помогает.
Мы механизм этой "музыки" знаем,
Но про мысли не можем сказать ничего,
А это и есть мир души, дом сознания.
Неизведанно квалиа, увы, до сих пор.
Внутренний голос мы слышим, читая;
Мечтая, мы образы яркие зрим,-
Всё это, поверьте мне, не умирает.
Здесь мёртвые могут общаться с живым.

Сознание ищет пути к воплощению,
Не знает оно ни смерти, ни тленья.

Эмерджентность – новое свойство системы, несводимое к её компонентам.

Энграммы – следы памяти, вертикальные колонки нейронов.

Квалиа – мысленные переживания.

Предпраздничное настроение

Предпраздничная суета;
Полно народа в городах,
Снующего по магазинам,
Их цель – продукты на витринах:
Яйца, огурцы в салат,
И картофель для гарнира,
Курица и сервелат,
Яблоки и мандарины,
Шампанское, ликёр и пиво.
Всё, что нужно для стола,
С витрин сметают торопливо
Покупатели. Пора
И мне отправиться в поход;
Послезавтра Новый год.

И вот зашёл я в супермаркет.
В кармане список у меня
Того, на что мне денег хватит;
(Экономика моя
Не такая, как в стране,
Не растёт она совсем).
Иду я по рядам торговым
И в корзину собираю

Всё доступное съестное.
(О икре и не мечтаю
Чёрной, красной. Из минтая
Есть отличнейший продукт,
И он прекрасно заменяет
Настоящую икру).
Мандарины из Китая
И картофель из Египта,
И морковь с Азербайджана,-
Всё в корзину я закинул,
И пошёл искать шампанского
"Российского" бутылку.
А по пути купил ирландского
Пивка, со злобной тыквою
На этикетке; (хороший эль,
Им я вылечу похмелье).

Изобилие товаров
Импортных, на мысль наводит,
Что ничего не производят
Здесь у нас; лишь потребляют.
Я эти мысли прогонял.
Меня другое волновало,-
Цены. Кто их так поднял?!
Две тысячи ушло, но мало
Продуктов у меня в пакете.

К чёрту рассужденья эти!
Праздник скоро, Новый год,
А я всё вижу в чёрном свете.
Ёлку бы купить, да вот
Маловато стало денег...
А есть такие, кто на МРОТ
Целый месяц жить умеют!
Зря ворчу я; в самом деле...

Пастух

Чист горизонт моих мыслей,
Пусто в душе, как в степи,-
Вольный простор впереди,
Но некуда больше стремиться,
И некому больше идти;
Стёрты границы, – и я
С огромным пространством един,
Как будто бы нету меня...
Пустынные дали, трава и курганы
В сознании моём исчезают,
И сам я как будто бы таю,
Сон наяву наблюдаю.
Часто со мною бывает такое,
Когда я по полю долго хожу;
Я пастух, и большое стадо коровье,
(Всё поголовье), на выгул вожу.
С утра и до вечера я по раздолью
Гуляю, и праздну мечтаю.
В поле просторном мой ум, словно в море,
Тонет; травой, как волнами,
Меня с головой накрывает.
От счастья мне хочется петь,
Трава вдохновляет; сейчас я достану

Рожок свой, и буду дудеть.

Солома

Гадатели, скликающие мёртвых,
Весною жгут солому во дворах;
С огнём они дома свои обходят,
И ждут, когда появятся в ветрах
Жители миров потусторонних.
Потом они подолгу говорят
С ними о делах и о погоде. -
Я видел сей таинственный обряд,
Когда мы по низовьям Волги
Ходили с экспедицией. Места
Глухие там; поля да буреломы.
Устои предков в ветхих деревнях
Живы; до сих пор их помнят
Крестьяне тёмные; им телеграф
Не нужен, для общенья с мёртвыми.

А я общаться с ними стал,
Читая книги в переплётах;
(Сначала я о том не знал,
Лишь удивлялся, что народа
Много у меня во снах,-
Толпами они приходят,
И со мною до утра

Говорят). А днём в ушах
У меня, как эхо долгое,
Их слова звучат...
Души мёртвых мне о многом
Повествуют; я в стихах
Их рассказы записать
Тороплюсь, – мелькают строки
С быстротою молний; вскоре
Все тетради утопать
Будут в чёрном море,
(Все чернила перевёл я).

Заставляют рифмовать
Эти духи мою душу;
Не дают спокойно спать
Голоса их вездесущие.
Но когда сажусь читать
Книгу, то тогда покой,
(Лишь одна душа со мной
Начинает рассуждать
В этот миг, а хор молчит).
Я, конечно, графоман,
Но виновны в том они.

А когда травлюсь я ядом,
Души мёртвых тоже рядом.

Дым и острая игла
Помогают мне слова
Подбирать; и в разговоре
С ними, не такой тупой я
Становлюсь; тогда приятно
Пообщаться им со мной.
В это время адекватен
Я; и жители веков
Иных тоже, как ни странно,
Лучше дружат с головой,-
Не галдят они, а внятно
Излагают. Плавный слог
В это время у меня,
Начинаю рифмовать
Лучше; красота в стихах!
"Да; она же мир спасла,
И тебе поможет тоже."
(Это Фёдор щас сказал.
Надоел он, святой боже! -
Преступленье, наказание).
То ли дело вот Булгаков,-
Жабнул морфия чуть-чуть,
И прекрасными словами
Изложил мгновенно суть
Про Христа, про воду в Кане
Галилейской. Но Пилат,

Как всегда, лишь промолчал;
Он про Истину не знал,
Как и сам Булгаков. Да-а.
Мёртвые поют в ветрах,
Слышу я их голоса.
В их словах весна
Вечная; там попран прах.

Человек дождя

Скудеет мысль, бледнеет слог;
Пишу свой тусклый монолог
На листах тетрадных, в столбик,
И не выходит ничего, -
Я вырываю их и комкаю,
Бросаю в топку; много сжѐг
Плохих страниц в своём камине.
Улетели с дымом синим
В небо все мои идеи.
Что же буду делать ныне?
В голове гуляет ветер,
В сердце выжженном пустыня.
Без идеи не умею
Рифмовать я; мне пустые
Фразы хуже горькой редьки.
Как теперь писать стихи мне?!

На вопрос ответил ветер:
"Я на небе тучи сею;
Скоро будут проливные
Дождики, и вместе с ними
Выпадут твои идеи.
Иди на улицу скорее!

Долго киснуть в помещеньи
Вредно, – запахи плохие
Накопились, как в пещере
Сероводородной. Выйди
Прочь из затхлых комнат;
Нечем тут дышать, ей богу.
Срочно нужно вдохновенье!
Воздух, струи дождевые,
Солнце – смогут, без сомненья,
Оживить твоё мышленье.
Всем поэтам подзатыльник
Нужен, чтобы лучше пели.
Выходи во двор, не медля!"

Вышел я во двор, и стал
Наблюдать за небесами.
Если ветер мне сказал
Правду, скоро гром ударит,
И польётся дождь стеной;
Смоет он с меня застой
Творческий. Свои идеи
В каплях дождевых сумею
Я найти. Проклятый зной
Из мозгов пустыню сделал;
В голове моей пустой
Лишь песок да ветер.

Небо, дай скорей дождя!
Засыхаю я...

На огромном небосклоне
Ярко засверкали молнии,
А потом тяжёлым молотом
Гром ударил; громкий рокот
Прокатился по простору.
И полился дождь потоком.
"Наконец-то, слава Богу!
Вот теперь я свежим слогом
Напишу чего-нибудь!" -
Так вскричал я, и на грудь
Тут же принял двести грамм.
(У меня всегда стакан
Есть с собой, и водка в нём).
Пью я вечером и днём.
Никогда пересыхать
Я себе не позволяю.
Чтобы стройно стих слагать,
Надо влагу, влагу, влагу...

Прогулки в лесу

За горами, за лесами,
За широкими полями
Спрятан клад, в нём пара грамм,-
Белоснежные кристаллы.
Вновь помог мне "Телеграмм"
Закупить товары.
Пришли уже координаты,-
Под берёзою, в снегу
Свёрточек лежит квадратный,
(Изолентой он вокруг
Обмотан). Очень рад я
Буду, когда клад найду!
Заторчу теперь до завтра!
Грусть-тоску с себя смету,
Словно снег; весна настанет!
Лёд души растает!

И вот иду в густом бору,
Вокруг сугробы двухметровые;
А на тропинке, там и тут
Лежат "баяны" двухкубовые.-
Кто-то сразу же поставил
Счастье в вену. (А я, обычно,

Дома радость обретаю;
На природе непривычно
Мне под мефом кайфовать.
Но в этот раз я взял ноль пять
Воды – "Святой источник",
И два шприца). Иду искать
Свой затерянный талончик
На очередь в прекрасный рай.

Долго я в лесу блуждал,
И наконец достал "закладку"
Из под снега. Ободрал
Изоленту; распечатал
Маленький пакетик с мефом.
А потом раствор взболтал.
(Еле-еле свои нервы
Сдерживал я, – пульс стучал,
Как огромный барабан;
Эйфорию предвкушал
Мой мятежный дух). Но вдруг
Голосок я услышал
Тоненький: "Тебе, мой друг,
Не надо эту гадость ставить;
Выброси свою отраву!"
(Я, признаться вам, испуг
В этот миг словил). Смотрю,-

Белка на суку сидит
Рыжая, глаза с полтинник
У неё; она лущит
Не орехи, – табку синюю,
Экстази грызёт зубами.
"Травите себя "солями",
А потом в дурдом толпой
Заезжаете; я знаю
Вас, – одной тропой
Вы шагаете. Печальна
Участь ваша." – Продолжала
Белка наставляя меня.
"Я в лесу живу годами.
Но солями никогда
Разум свой не омрачала.
"Шишки", экстази и "фен",-
Только сей ассортимент
Из под снега доставала."
– Белочка, ты неправа;
Зря меня ты записала
В солевые. Меф я взял
Чистый, пару грамм в кристаллах.
"Чистый? (Белка засмеялась),
Это ты загнул, братан!
"Бутор" здесь такой, что малость
Остаётся мефа вам;

С солью он напололам!

До сих пор не догоняешь?"

Тьма ночная

Чёрной сурьюю красавица-ночь
Брови свои подвела;
Томно глядят её тёмные очи,
Во взоре таинственном – мгла.
Смуглое тело россыпью звёзд
Украсила ночь, словно блёстками.
Длинные косы её запах роз
Издают, свежесть нежная в воздухе.
Страстно вздыхает красавица-ночь,
Прохладой меня обдаёт.
Шепчет она: "Я пришла, чтоб помочь;
Усни, отдохни от забот."
Да, я устал, я весь день торговал
Горшками на пыльном базаре.
Но мне не до сна, я привык по ночам
Писать на дощечках рубайи.
Звёздное небо меня вдохновляет
Своей красотой бескрайней;
Глядя на звёзды, всегда размышляю
О вечности недостижимой...
Первый свой стих посвящу я луне,
Второй – той далёкой звезде.
А третий – всепоглощающей тьме,

Повсюду она и везде:

Луна, твой лик наполовину
Виден нам; скажи мне,
Что на стороне другой?
"Там лишь тьма, она красива."

Яркая звезда на небесах
Сияет как кристалл, и к нам
Свет свой неземной доносит.
Но нет звезды, давно там мгла;
Сияние – лишь отголосок.

Тёмная бездна небесная,
На ней золотые созвездия;
И крохотный мир под луной,
Который скоро исчезнет,
Укроется вечною тьмой,
Как покрывалом." – Так написал я,
И бросил дощечки, – темно
В бедном шатре моём стало.
Близко красавица-ночь
Ко мне подошла, и сказала:
"Отдохни у меня на груди;
В рубаях твоих толку мало.
В царство забвенья войди,

Усни..." Тъма настала.

Голоса ветров

В дуновении ветров
Вечность говорит со мной
Голосами ста Богов.
Долго, как прибой,
Громко, как гроза,
Раздаются их слова
У меня в ушах:
"Мы творцы миров,
Мы вселили в прах
Жизнь. Нас сто,-
На каждый миллиард
Галактик по Творцу.
И твари там живут
Разумные, как вы.
Ты жил и там, и тут,
Да только позабыл.
Пробуди свой ум,
Развей пустые сны;
Тебя к Богам зовут,
В прекрасные миры!"

А демоны поют мне песнь
Сиплым визгом сквозняков:

"Оставайся с нами здесь,
Позабудь Богов!
В царстве снов реальность есть,
Слейся с нею весь;
Думай, как поспать, поесть,
В лучший мир не лезь.
Спи под толщею веков,
Прей в навозе поколений.
Этот мир не добр, не плох,
Он – распределенье:
Толпы остаются тут;
А единицы в небо,
Себя преодолев, уйдут,-
Кто-то будет демон,
А кто-то Богу уподоблен,
(Там есть две дороги).

Нам же надо, чтобы вы
Не могли парить;
Удобряйте плоть Земли,
Будьте на цепи."

Океан

Мы не верим в чудеса,
А они перед глазами;
Этот мир под небесами,
И живые существа
На земле – полны чудес.
Наше дивное сознание
Не осознаёт прогресс
Собственный; мы станем,
Через парочку столетий
Выше на ступень, земляне,
А сами это не заметим.
Никого не удивляет
Кладезь знаний – интернет;
В информационном плане
Был открыт большой секрет,
Который вскоре нам позволит
К пониманию прийти
Главного, что есть в животном
Мире, – мыслей нить,
Ментальная реальность, в коей
Пребывает всё живое;
Ей наполнено пространство.
Мир, как море мыслеформы;

Наши волны расплескаться
Не способны, и в природе
Остаются постоянно.
После смерти, мы уходим
Снова в воды океана;
Чистой мыслью можем долго
По волнам высоким плавать.
Но потом опять вернёмся
К новым островам сознания,
Вновь "процессор" соберётся
Для земного пребывания,
(Он системой зовётся
Нервной). Только в теле
Можем мы воспринимать
То, что вечно во вселенной
Существует. На примере
Это можно показать;
Скажем, радиоволна,-
Если нет аппаратуры,
То не видим мы сигнал,
Но он всюду существует.
Через несколько веков,
Ближе станем к пониманию
Того, что в царстве снов
Реально лишь сознание.

Царство снов – наш мир; но мы
Лучше можем сделать сны
Для грядущих поколений,-
Снова возродиться в них
Будем мы всё время.